надежда плевицкая

ДЕЖКИНЪ КАРАГОДЪ

ВСТУПЛЕНЕАЛЕКСВЯ РЕМИЗОВА

BEPAHHЪ

Оппринения протиграфия Бр Гириварии въ Веранца нь мынуеский гразь тесячь винения рего. Ина мине пинадания пуперапилиять от I до L, синбалия подпераго принения и принения на протигра и Алексъй ремизовъ В В Н Е Ц Ъ

Въ Синтой вечеръ шенъ Христосъ и съ иниз апо-

просимымъ странникомъ шелъ Христосъ съ върникъ апостоломъ по веилъ.

Огуставаль морожный вечерній світь.

Ночное зарево отъ печей и трубъ, какъ зари вечерняя, помаромъ разаниваюсь надъ бълой — отъ береговаго угля, нефти, кокса еще бълъе — сиъмной Невой.

Шекъ Христосъ съ впостоломъ Петромъ по изгудо-

И услышаль Петръ: нав дому пъніе на улицу. Пріостановился —

такъ пъніе.

И воть въ унывное пробиль быстрый ключь вознеслясь рождественская півсны:

> Христось рождается — Христось на земля!

Обернулся Петръ: хотиль Христа позвать войти вийств въ домъ —

а Христа и ићтъ. -- Господи, гдъ же Ты?

А Христось — вонь ужь гды!

мено дома прошель Христосъ — слишаль божественное паніс, не слышать не могь и прощель.

Петръ вдогонъ.

Христось романется — Христось на лемай!

Съ пъсней нагижа Петръ Христа. И опять они шли, два странника, по землъ.

9

По дорого низ попалси другой домъ:

тамъ шумво пъсня, и слышно — на голосъ подняли пъсню,

тамъ сиъхъ и огольки.

Подъ такой большой правдникъ безстыміе пляшуть!
 И Петръ ускорваъ шаги.

И было ему на горькую раздуму за весь народъ:
"пропасть и бъды пойдуть, постигнеть Божій
гибав!"

И шель уныль и печалень — жалкій сліпой плачь омрачаль его душу.

Вдругъ спокватился —

- а Христа и ивтъ.
- Господи, гдв не Ты?
 - а Христось танъ!

нан входнав Онв въ тотъ домъ и вотъ вы-

Христось тамъ — у того дома: и въ ночи свътъ — свътить, какъ свъть, вънець на Его головъ.

Хотьль Петрь назадь, по Христось самь шель кь нему.

И воззваль Петрь ко Христу:

- Я всюду пойду за Тобой, Господи! Открой мив: тамъ Тебя величали, тамъ Тебв молились, и Ты мимо прошель, а туть забыли Твой правдникъ, пъсни поютъ, и Ты вошель къ нимъ?
- О, Петръ, мой върный апостоль, тъ моленіями меня молнан и клятвами заклинали, но ихъ черствое сердце было далеко и мой свътъ не осіяль ихъ сердце и хвала ихъ негодна Богу, а людинъ постыла; а у этихъ сердце ихъ чисто и пъсии ихъ святы и я вошель их пимъ въ домъ. И вотъ вънецъ: сплетенъ изъ словъ и пъсенъ неувядаемъ, видътъ исъмъ.

Въ Саятой вечеръ шелъ Христосъ и съ нимъ апостолъ Петръ.

.

И въ дочи надъ былой Невой — надъ заревонъ отъ почей и трубъ сіяль до небось

BBRegn

— пусть эта въсть пройдеть по всей вемлъ! ---

не изъ волога, не изъ менчуга, и отв всикаго цийта красна и била и отв витаей Бомія раж неувидаемъ мінецъ отв словъ и піссив чистиго сордца.

A (350)

надежда плевицкая ДЕЖКИНЪ КАРАГОДЪ

мой путь къ пасна

Небольшое, запущенное оверо въ Медонскомъ ласу, близь Парижа, — явлюблено рыболовами. Они сидятъ вокругъ него съ удочками и часами, съ ангельскиять терпаніенъ, ждуть улова.

Никогда и не думала, что буду адъсь, у озера, наблюдать какъ французскіе граждане ловять рыбу, в вспоминать мое дорогое, мое невозвратное!...

0

Вспомнилось мив родное село Винниково и нашъ прудъ, обильный всякой рыбой. Мать моя была горячій рыболовъ, и когда все старшіе были на работь, я помогала матери ловить рыбу, какъ помогала ей во всемъ. Все дълала я съ охотой: цыплять напормить, прапивы свиньямъ нарвать-нарубить, посуду убрать, ну, а рыбу ловить и гусей стеречь — не любила.

И какое, право, удовольствіе дівочий тянуть сіть по грудь въ воді, утопая въ грязи топкаго пруда? Да и ловля бывала на закаті солида, по ворькі, когда подруги мон весело играли на выгоні въ коршуна.

Ихъ голоса и крики "крра, крра" доносились до меня, возбуждая зависть и усилявая мое нетеривніе: — "когдаже, конець этой ловав?"

Но мать не дванка моего чувства, в еще склыве равгоралась; за спиной въ мешке си трепетало много рыбы. Но воть мы дваленъ последній маходь, рыбу высыпаемъ въ ведро и я, — къ большой радости, — на берегу, а мать одна принимается ловить раковъ.

Помню, съ ужасомъ я смотрћав, какъ она смћао аванаа подъ коряги и въ норы: знала мять гдћ гићадятся ракц. И вотъ — полно ими ведро.

Мокрые, спединив ны огородани домой. Работа кнпить, горить костерь, варится ука и раки: идуть съ работы братья, сестры, отецъ, а для никъ уже готовъ сытный ужинъ.

Мон старшія сестры, статныя дінушки, работа ихъ за цільні день не береть.

Онв весело подтруживають другь надъ другомъ.

Настенька говорить, что Дуня не посиваветь вязать снопы за отдомъ, а Дуня нь отвать, что хотя и медленно визала она, вато спопы крапче Настенькиныхъ.

 Твон какъ въ руки новыменть, такъ и равсыцител. — Любитъ крестъянскія дівушки жинтву.

Въ такое времи все село на полъ: есть гдъ новазаться работушкой другь передъ другомъ.

И какъ не показаться, когда рядомъ, на загояв, работають меники, да будущія свекровя — не ударить-ме лицомъ нь грязь.

Работищая давка — сокровище въ домъ.

Всегда и завидовала старшимъ сострамъ — оне большія —, и чтобы показать что и и не маленькая, старшлась подымать меры съ верномъ или картошкой, да за это получала лишь подватыльники — надрржешься моль. Я обижалась, но тримадцати леть поднимала мешки въ пять пудовъ. Тогда разве знала я, что буду петь, а готовилась быть — "сохровищемъ въ доме".

Я подсматривали, какъ сестры на ночь мажуть сливками лицо отъ загара и дълала то же; еще таскала и у никъ помаду и репейное масло, которымъ онъ душная полосы, за что также награждали меня подзатыльникомъ.

Словонъ, мъщали мив всячески стать большой.

4

Отент мой быль Николаевским солдатомь.

Прослужиль восемнадцать літь, а шесть літь ему подарнан за его честную и безпорочную кавалерскую службу.

Быль онь стрвакомъ, да на ученые порокомъ васо-

И макъ и помию его, всегда страдаль онъ главами, а подъ конедъ совсемъ плоко сталь видать.

Въ сель всь его ввали - Солдатъ.

Долгими замними вечерами, когда прилки сестеръ тихо гудуть, приходили къ намъ посидъть, вокаликать почтениме господа мужнин: да и къ кому не пойти, накъ не къ солдату бывалому?

Первынь являлся — Дей Абранычь, двоюродный дляя, опрятный и собою красаведь, и было слышно какь высвижь обметаль онь съ валенокъ сийгъ и отряхиваль свой тулупъ, а переступивъ порогъ горинды молился на образа и адоровался по военному:

- Здравія меласить.
- Милости просимъ Дей Абрамичъ. —

Онъ быль монить любимымъ дядей, а потому всеми правдами и неправдами старалась я подейсть къ нему блике, пока не браль онъ мекя на колини и не закутываль нь тулупъ.

А за нимъ приходили:

Потиль Антольгчь. — "Во святой чась со челитовкой" — говорнав онь, нереступая порогь.

— Просциъ, просиить, Антонычъ.

Покряжтывал и обирая ледяныя сосульки съ бороды, тямело вваливался въ набу дядя Володя, а за иниъ Амеляка-Куликъ, прозванный Куликомъ за свой длинный носъ.

Словно бы сказки, слушала я беседы, пригравшись у дяди въ тулупъ.

Прядка матери умодкала, когда отедъ начиналь равсказь про Крымь, гдъ отбываль онъ создатскую службу. Умъ накая туть пряжа, когда вспоминалось про прошлое: мать моя только что вышла замужь, какъ ен Васю забрали въ создаты, и черень годъ отправилась она из мужу въ Крымъ. Изъ Курска до Одессы на лошадяхъ — тогда не было желевной дороги, — а изъ Одессы парокодомъ, до Феодосіи.

Много лать утекло, уже состарилась мать, а путешествіе свое помнила, кака будто оно было вчера.

Да прерывалась степенная беседа явленісмъ молодого Якушки, сына Потапа Антоныча.

Окъ, по слованъ матери, "какъ бёсь съ звостомъ", вкатывался въ избу.

Якушкина натура была замічательна: посидіть на мість чинно-смиренно не могь. «Пляски, пініе, свисть, гармошка были его всегдациніе сотоварищи; даже постомъ, когда такого не полагалось, півль Якушка дуковные псалмы.

А если не съ измъ ему было поговорить, онъ вслукъ бесъдоваль съ дошадью: — "Но, а Но, броснить, братъ, пякать, давай покаликаемъ". —

— Якушка, откуда, авшій, свалился, уймись, дай старымъ посоворить...

А авиня уме вавился выономъ около состеръ, мвшаеть имъ прясть, сыплеть прибаутками да наконецъ вспоминаеть за чемъ къ намъ пожаловаль:

 Гая, чуть не забыль, тять, тебя мать ужинать зоветь. Тогда всв вспоминали, что пора ужинить.

Изба пустала, мать хлопотала у печи. За столь, не помывши рукъ и Богу не помолись не свдились, а за адой сидать смирно — чинно и "зубы не скалить". Обыкновенно, посла ужина, мать и сестры старшія садились за прядки, брать шлель лапти, а мы, два младпія, да и батюшка укладывались спать.

Выда выюга въ трубъ, дасково гудъли придки, братъ Нинолай тихо постукнивать свайкой по колодкъ. Подъ музыку зимы и труда, засыпала и въ нашей тъсной, но дочиста набъленной набъ.

Эту привычку бізарть и сматывать ганной поль восприняла мать, когда отбывала съ отцомъ солдатскую службу въ Крыму.

Семеро было вась: отедь, мать, брать, да четыре сестры.

Вскую дітей у родителей было дивнадрать, я родилась дивнадратой и послідней, в осталось насъ пятеро, прочіє волею Боньею померли.

Жили им дружно и слово родителей для насъ было закономъ. Если-же, не для Богь, кто "законъ" осивлится обойти, то было и наказиніе; изъ кучи дронъ выбиралась отцомъ-натерыю палка, потоліде, со словами:

-- Отвално, по чемъ ям попало-

А воть и преступления наши:

Родители не разръшали долго вигуливаться. "Что-бы висвътло дона были," наказывала мять, опуская сестеръ на улицу, потому что "корошая слава нь коробив лешить, а дурная по дорожив бъщить".

Воть той славы, "что по дорожкі бынать", мать и боклась.

А если случалось, что им заптраемся, вибудемся, — им выгонь, жив-за церких, похадывалась мать. Шля она медленно, будто прогуливансь, руки дершала позади — вту минеру им знали: разъ руки за динной, заптить причеть палку. И когда из пылу веселья, не замачали мы ед приблименія, она подходила и "сызновости" опирацить вала палкой старшую ких сестерь — "съ тебя моль, спроса больше".

Претеривно воснародный срамо, мы бытомо сившили домой, а за нами и улица расходилась: вслідо за "Хроловной" приходила "Федосвевии" и "Поликарновна" вадуь своихь дочерей.

"Въстино: строгая мять -- честная дочь".

Достаналось наить также и за "черное слоко"—— чортушка, чорть. Таккить скареднымъ словомъ въ дом'я у насъ не ругались. А за ложь напазывали престрого.

Ŧ.

Надо сказате, что, кроив матери, всё были у насъмалую толику грамотны.

А ссли я умено немного читать и писать, то потому лянь, что горьжими слевами выпланала у матери разрашение ходять въ школу.

Рукава моего сърснъкато платън были мокры ото неутанными слеми (платки-то носовые полагались у насътолько въ дено воскресный къ объдив) — такъ убъдительно проская я мать отпускать меня въ школу.

— Томорила корону стеречь будеть? — говорила мив мать. — Къ тому-же ты молитвы-то знаешь, в замужь тебь не за лавочника ядти, не за прилавкомъ ондъть. Грамота тебь не нужна. Воть и и бель грамоты, в до мильена считаю...

Но я думяля имое и пуще мочила слезами рукавенки моего съренькаго загранезнаго платъя: — грамотъ учиться хотълось.

туть помоть случий: "не было бы счастья, да несчастье помогло".

Въ канунъ Петрова дня вся паша семъя ущая въ поле: крестьяне дорожать кандымъ погожимъ днемъ, работа кипитъ отъ зари до зари, а домъ сторожать малые да старые. Меня тоже оставили хозяйничать. Уходя матъ приказывала:

Хату не бросай открытой, а то побируки залазутъ.
 Кваср въ погребъ, наберенъ огурцевъ и пообъдаешь сама, а мы до вечера не воротнися.

Быда у меня подруга, однольтка — Манутка, рябая и немножко съ глушникой, дочь Амельки-Кулика. Ее я поввала къ намъ коратать длинный день одиночества. Когда пришла пора объдать, спустались им въ погребъ за квасомъ. Погребъ — чего только тамъ ийты бочка молодого квасу, больще горшки съ творягомъ, масломъ, сметаной — все собрано за Петровъ постъ, когда скоромнаго не вдять. А на полкв выстроилось много кумпиновъ свъжаго молока: мать, за три дня до Петра, заготовалал молоко для роздачи безкоровнымъ крестъянамъ, что-бы и они могли разговъться на правденкъ. В вдругъ шкодливая Машутка, нечаянно толкни полку и въ единый мигъ кубтаны съ молокомъ полетъли ва полъ... Пропало вов добро, которое было приготовлено для блатой цван: Машка оставила бъдняковъ безъ молока.

Дрожищия, выхъзан мы изъ погреба. Машутка побъжала домой, и я осталась одна и съ отчания кричала ей вслъдъ:

Рябомордая, глухия.

Она была мив ненавистна, какъ розга, которую предстояло мив, по приходв матери, отвъдать.

Оставшись одна, я явяла мізшокъ, одіала на руку вявенку и пошла реать крапиву для свиней. Все, что мать приказала миз сдівлать, порізшила и исполнить до точки — даже ненавистных гусей отыскала въ поліз и пригнала домой, дукая тімъ умягчить родительскій гийвъ.

Время пло: вотъ и стадо съ выгона пылить, овды бъгуть, идеть степенио мамочкина изгля корова, мадно визжать свиньи, бъгуть къ корыту и чавкають изсивомъ, которое я сегодия намелко нарубила, посыпавъ обильно отрубями.

Воть и мать. Она вдеть раньше всехь, чтобы подонть корову и приготовить ужинь. Завидень ее, не бросилась я радостио навстречу, какъ всегда, а ушла подальше отъ набы и села на окопе погоста, что быль противъ нашего дома.

Мато почуваа что-то неавдное, манная меня цальцемъ, кричала: "Дежка, иди, ягоды несу".

А Дежкой меня все тогда навывали.

Но Дежка не трогалась. Я рашила даже и почью на окона сидать: пусть вадымы ходять на погоста. Розга-то постращиве вадымь.

Въ душе у меня такая книвла буря противъ Глухии, что я даже рашила въ конецъ загубить свою душеньку и шентала самое гранное слово — "чортъ, глухой чортъ".

Воть какь элобилась я на Машутку.

А мать ходить по двору, посматриваеть: все въ порядкъ.

Но вото я слышу, мать ласково уговариваеть бурешушку стоять смирно, значить моеть ей вымя, чего корова не долюбливаеть, воть слышу звонь падающаго въ доенку молока. У меня сердце забилось: скоро мать все провъдаеть. Проуддивъ молоко, мать понесла его въ погребъ. Туть я съла еще подаль, на случай, если мать вознамърится меня ловить.

Изъ погреба мать вышла тихал. Это всегда бывало, когда она сильно огорчалась. Только пальцемъ миъ погровила:

— Ну веркись ты, домой.

Она мелькала изъ каты въ амбаръ, изъ амбара въ пуньку; и вдругъ зашла какъ-то въ сторону. Я тутъ смекнула, что она кочетъ обходомъ меня изловить. — М пустилась на погость. Хотя и крабрилась я, покуда было свътло, а къ ночной темнотъ заболлась въдъмъ, и пошла къ дому.

Въ избъ уже горъан лампадки, ламки и столъ были яммыты: вавтра Петровъ день, праздникъ, а у меня, Дежи, тяжесть на душъ... Вдругъ свяди мать, удалось ей меня скватить. Розга ожгла, я кинулась въ святой уголъ, гдъ красуется вышитая пелена. Но и святость меня не спасла. Мать наступаетъ, я розгу ловлю, себн защищая, — поймала, переломила, и нечвянно поцарапала прутомъ мамочкъ до крови лицо. Тогда не помия себя, она сквятила меня за волосы да о стънку, у меня въ главахъ потемивло. А мать, отойдя отъ гизва, черезъ минуту уже плакала надо мной и тутъ, въ слевахъ, я ей разскавала, что во всей бъдъ повинив Машутка. Мать мочила миъ голову святой водой и шептала: "Что дълесть лукавый съ человъкомъ, и откуда такая здоба? Господя, спаси, помилуй".

Я же, котя и съ шишкой на головъ, но чувствовала себя имянинищей: происсло бъду.

Мать туть-же разсыпалась въ милостяхь: объщала инф купить налевое пальто, щегреневые, со скрипомъ, полусапожки, на завтра взять съ собой въ Коренную Пустынь на богомолье, синть козинстовый тулупчикъ, а на виму пустить меня въ школу.

Первый разъ была мать со мной такъ гивана и въ первый разъ я была такъ счастанва: "буду, слава Те, Господи, въ школъ".

А Коренная Пустынь въ восемнаддати верстахъ отъ

Я же дальше ліса Мороскина и Анповца не бывала, а это отъ насъ въ одной версті. Понятно, что такое далекое путешествіє не дало мий въ ту ночь заснуть.

Я просила мать разбудить меня до восхода солица: падь на Петровъ день "солнышко играеть".

Многіе у нас даже виділи, како оно разными лентами полыкаеть и вертится. Игры солнышка хотіла я посмотріть.

Мать вабудила меня словами: "солнышко, Делка, восходить"! Скорсконько бросилась и на дворъ, но какъ ни присматривалась, в пикакихъ лентъ не видала и солнышко не вертвлось, в подымалось въ поков.

Върно на нынъшній Петровъ день оно стало степен-

Въ Коренную поръщили идти послъ объда, — раньше матери все равно не управится. Уже носился въ воздужъ вкусный запахъ калачей, но до объдни пробовать ихъ не полагалось.

Нынче въ дерковь всё выйдуть нарядныя: сестры наденуть лучшія платья, мы, младшія, будемъ въ розовыхъ, и передники съ пітушками, брать въ малиновой рубахів и въ новыхъ сапогахъ, отъ которыхъ пахнетъ дегтемъ, а отещъ, какъ всегда, въ свиткъ, гдв по солдатской привычкъ все прилажено складочка въ складочкъ. Отецъ и въ церкви держит шалику по военному. Къ храму тянутся дюди, длинными, яркими лентами. У коновлзи стоять повозки, крытые коврами, дошади въ богатыхъ сбруяхъ. Это прівхади водяновскіе саяны, что въ трехъ верстахъ отъ нашего села. Кто побъдиве, — тв пришли пъщими и теперь въ сторонкъ, надъваютъ полусапожки, которые, по береждивости, всю дорогу несли въ рукахъ. А бабы водяновскіе, въ шитыхъ золотомъ паневахъ и въ кичкахъ, сверкають множествомъ бусъ.

Въ церковной оградъ, повстръчала я Машутку, она сказала миъ, что съ бабушкой идетъ въ Коренную пустынь. Значитъ идемъ вмъстъ.

Въ церкви и стала впереди отда и ему часто прикодилось меня одергивать, чтобы и стоила смирно; а какъ туть устоишь, когда кругомъ такъ много любопытнаго. На левомъ клирось видижется пышныя цевты на шляпкахъ Рышковыхъ барышень, туть же Таничка Моровова въ чудномъ голубомъ платъв, вся въ оборкахъ и съ турпоромъ, ну въ точь какъ на картинкъ, что прилеплена къ станке въ горнице Потапа Антоныча. Такикъ барынь рисовала и на грифельной доске, которую таскала у сестеръ. Нарисую барыню, в позади непременно собачку.

На правонъ клиросв сегодня особенно хорошо пвлъ коръ, — а въ хору Егоръ, сынъ диди Дея, в Васнотка Степановъ, наши пвицы, любимцы всей деревни: у одного альтъ ввонкій и чистый, у другого дискантъ. А главное они пвли "съ понятіємъ".

Управляль хоромъ учитель Василій Гавриловичь, помахиваль рукой, — рука біздая, тонкая, не такая корявая, какъ у моего брата.

Мать говорила, что другихъ думъ, кромѣ молятвъ, въ дериви быть не должно: "ты какъ савча передъ Богомъ должна въ церкви стоять." Я же сегодия совсьмъ на свъчу не похожа, верчусь, на мъсть не устою, въ головъ мысли гръшныя — хорошо бы шляпку такую, какъ на Рышковой барышнъ и платье въ оборкакъ, какъ на Танъ Морозовой. Шляпки въъ лопука, что мы съ Машуткой мастерили, совсъвъ не годиы. Хочется вотъ такую.

— А бълая рука учителя помахиваеть, будить во мив честолюбивые замыслы: воть въ эту зиму учиться пойду и навърное буду пъть на клиросъ, голосъ у меня не хуже, чъмъ у Махории Костяковой, которую все село хвалить. А я, не дальше какъ вчера, въ лѣсу, ее перекричала. Покуда техли мон мысли, отошла объдня. Отецъ далъ миъ просфоры и мы всъ, послѣ привътствій съ родней, тронулись къ дому, помолясь по дорогѣ на родныхъ могиливать. Въ въбъ все было готово и мять вдала насъравговляться.

á

После обеда, мать и бабка Машутки съ котомками за плечами, где было много дакомстве, двинулись въ Коренную Пустынь.

Въ рукакъ у инкъ были большіе посощки отъ собакъ, — мив же братъ, по случаю моего торжественнаго выкода, обстругалъ хорошую палку и даже разрисовалъ ее. Я была рада, но братъ, отдавая мив палку, сказалъ:

На тебъ, діаконъ патепскій, путешествуй.

Обиделась я, и палки не взяла, такъ какъ кличка "діаконъ пателскій" мив была ненавиства. А дали мив ее потому, что моя маленькая, къ верху закорючкой, косица была видно такая-же, какъ у пъяницы и бродяти діакона согнаннаго изъ села Патепика.

Уговорить принять подарокъ, брату было легко. Онъ сказаль, что какъ и не бродяга и не пьяница, то на

діакона не похома, в что косичка прючкомъ — то пустяки.

Я даръ приняла.

На удивленіе матери и бабии, мы съ Машуткой, верломъ на палкі, бодро проскакали почти поль пути. На привалахь ниъ приходилось мась удерживать.

Не дошли мы еще до Коренной воськи версть, какъ передъ нами въ рощв, на горъ, засілли волотые купола Святой обители.

Бывало, въ своей деревенской церкви, я думала, что такой церкви върно ингдъ на свъть иъть, разав только у царя хоромы не хуже, а туть такая красота, и не далеко, гдъ царь, а совећиъ отъ насъ близко.

Перевяжали мы на парожв, поднимались по старинной длинной лестницв. Мимо проходили монахи, неся на рукв подолы черныхъ мантій... Все чудеса, чудеса невиданных.

Отдохнувь, мы пошли ко всенощной. Народу много, и духота. Я усердно молилась, и не отставая оть матери, истово била поклоны. Но мать моя вдругь обернулась и стала шопотомъ укорять стоявшаго повади насъ господина, обличемъ барина, который дълалъ видъ, что усердно молится и что укоры относятся не из нему. Да мать не проведень, — у нем не равъ вытаскивали изъ кармана денежки крояныя, завязанныя въ уголкъ платка, и такая бъда всегда случалась съ нею нисино на богомольъ; но теперь въ карманъ ся, не безъ умысла, дежалъ не платокъ, а остріемъ вверкъ арбузный ножъ.

Воть на этоть-то ножь видно сильно накололся "богомольный" ворь. Мать не оставила вора въ поков, выговаривала ему:

 Безтыміс твом глаза, нашель гдв воровать — въ храмів Боміємъ. Небось ручка то болить, а еще баринь. Я представляла себ'я вора всегда б'яднякомъ, а тутъ баринъ — брюки на выпускъ. Окъ, чудеса.

Отстоявъ вечерню, мы отправились на ночлегъ въ монастырскую гостининцу. После утомительнаго дил я сразу ускула и спала такъ крепко, что къ ранией меня не будили. Мать принесла мив нитку краспыхъ бусъ и торопила умываться, чтобы поспеть къ поздней.

Посла объдин мы сошли винать въ часовию, ко Саятому колодду, гда явился образъ Знаменія Божіей Матери.

Несивтная толпа богомольцевь, съ великой върой пришедшая сюда изъ разныхъ губерній россійскихъ за сотни и тысячи версть, принесла въ сердцахъ своихъ радости и горести, чтобы выплакать ихъ или чтобы благодарить за тихія милости Пресвятую Владычицу.

Я помню, когда приносили къ намъ въ деревню ату чтимую святыню; всв отъ мала до велика надавали лучшия одежды. Мылись-чистились избы и столы застилались самыми лучшими скатертями, точно къ Свътлому Празднику.

Емегодно свершались въ нашей набѣ акаоисты Пресвятой Богородицѣ, а послѣдній разъ, въ 1918 году, въ родномъ Винниковѣ была у меня всевощная передъ образомъ... И вотъ теперь, когда я живу на чужбинѣ, вдругъ точно Бомія милость, появляется вдѣсь, въ Паримѣ, родная святыня. И какъ припала я къ ней, — хлынули ко миѣ трепетныя волны восломинаній.

Было въ тотъ день почти пусто въ посольской паримской церкви, а посреднив, на аналов, увънчанный розами покоился образъ, изъ-подъ котораго трогательно видивансь концы простого, интаго крестикомъ, полотенца. Какъ все это дборого, какъ близко сердц точно повидалась я со всъим родными, побывала въ наfneй бъленой горницъ. Воть почему не разстаюсь я съ сухимъ цвъткомъ, который дала мив сестра изъ святого вънка, осъщившаго образъ....

Прожили мы въ Коревной три для и мать рашила пойти въ городъ Курскъ в уже отгуда домой.

Увидать городь — воть чудеса, — тоть дальній городь, откуда къ намъ въ ясный день доносится тихій благовъсть. Я ис равъ слушала бархатный курскій звонь, долетавшій до насъ за многія версты. І воть я иду, нать вду, на расписной палків и Машутка не постіваєть за мной. Скоріве, скоріве-бы, — городъ.

- Мама, что тамъ бълвется большое?
- Это, Дежка, ворота московскія. Поставили, скавывають, ихь, какъ къ намъ въ Курскъ изволила Государыня Екатерина Великая жаловать. Воть въ ворота тъ, она, матушка, в въфажала.

Недалеко отъ воротъ, у хмурато желтаго зданія, работали люди. Были всё они въ серомъ, какъ одинь, и серыя шапки безъ козырьковъ.

- Кто, мамъ, такіе: чай, висольники?
- Натъ, несчастные. Господь исъ въдаеть за какія дала сюда ихъ послади. Только несчастные.

И мать ступила къ одному нав никъ и дела питекъ.

- Прійми, милостеньку, Христа ради.

Я тико спросила: "а они не разбойники".

- Можеть есть и разбойники. Арестанцы ови.

Мы шан по даннюй и ровной Московской уанць, которая мяв показалась прекрасной. Отъ удивленія, васунувь палець въ роть, я спотыкалась на кандомъ шагу и еле поспівваля за матерью, "глазівя" по сторонамъ.

А шлятим встр'ячались одна нарядиве другой, а надъголовой висваи балконы. Дивило меня ихъ устройство: бевъ подпорокъ, они словно висван-бы въ воздугв и оченъ напоминали мив большія сврыя гивада ласточекъ. И Мащутка примолкла, а роть открыть. Такъ и дошли до собора.

На колокольнів собора курскаго внаменить Чудо-Колоколь. Его Божій звонь плыветь чистой и мощной волной по окрестностикь. По вечерней ворів мы не разъвсей семьей выходили на крыльщо инбы, благовійно слушан дальній бархатный благовівсть.

Горячо я молнлась въ собор'в и давила всяческіе об'вты, — вамужь не идти и всімъ скавать, чтобы меня ве дразнили "сенькой сопатымь и женихомъ", еще попрощу, чтобы отецъ отдаль мив старыя ясли, а мать попонки изъ приданаго моего, а остатнее пусть себ'в заберуть.

Я же ясли прикрою попонками, заставлю изъ на зиму снопами в, по примъру древнихъ сподвижниковъ, удалюся отъ міра въ пустынь. Далеко забираться въ лѣсъ на житіе отшельное страшно мив; надо думить можно спастись въ ясляхъ на огородъ.

Еще дала объть не сердиться и у Машутки проценія просить, что потихоньку ругала ее чернымь словомъ.

Изъ собора пошли мы ночевать аъ Дъвичій Монастырь, къ анакомымъ монахинямъ. По дорогъ, гдъ были лавочки съ пряниками, я забыла, что въ подвижнической мизии надобно воздержаніе, и все приставала, что-бы мать пряника миъ купила. Просто глава разбъгались: разноциватных коврижки и бълые коньки, карамель всякая въ золотой бумагъ, на концахъ бахрома. У Козурки, нашего деревенскаго лавочника, такого в не бывало.

Въ Давичьемъ Монастыръ вса внали Акулину Фро-

меня по головъ.

Монастырскій дворъ быль выстлань красвымь кирпичемъ, въ слочку. У кандой кельи цавтовъ было множество. Тишина. Монахини не ходили, а какъ-бы скольвили бевъ шума. Хорошо, какъ въ раю.

У двухъ старушекъ-монахинъ, къ которымъ мы прищли мочевать, кроткія лица такъ и світились тихой радостью, а глава были ясные, какъ у дітей. Старшую авали Милетина, а которая помоложе — Конкордія.

Уютныя кельи уставны свиодвальными ковриками, лампады теплятся у образовъ. Покойная типнив и вапакъ русскихъ монастырей: кипариса, ладана, муро.

Насъ угощали часнъ съ вишневымъ вареньемъ и сдобной булкой. Подавила на столъ келейница Поля, изкрисивая, но милая дъзунка.

Вдругь за дверые послышался молодой голось:

- Господи Інсусе Христе, Сыпе Божій, помилуй насъ. —
- Аминь, отвътная мать Милетина.

Въ келью вошла молодая монашка въ остроконечной черной повдакъ, съ блёднымъ лицомъ. Она попросила благословскія у матушки Милетины и пригласила ес на співну: матушкі Милетинь, коти и было уже подъ шесть-десять, но была она лучшій напонархъ монастырскій.

И воть мы въ церкви стоимъ, а съ лъвего и праваго кляроса идуть тико и стройно червыя монахики. Воть стали онъ полукругомъ передъ Царскими Вратами, а посреди матушка Милетина съ морщинистымъ, но тонкимъ лицомъ, прекрасная въ своей черкой мантіи.

— Глась шестый. Господи возвать къ Тобъ, услащи мл. Пронициовенному альту плавно отпетиль весь хоръ. Въ изжной волив голосовъ слышался мягкій басъ. Къ мозму удкаленію, баскомъ пела томе монахиня: бываеть...

Я еле сдерживала слевы умиленія. Множество свічей, какъ стал огненныхъ мотыльковъ, колыкалось надъ огрошными серебрянными подсвічниками, валивая світомъ своимъ драгодінныя ривы святыхъ. У большого образа Матери Боміей играетъ разными огнями множество лампадъ. Къ этому образу чинно подходили и прикладывались богомольцы. Тамъ стояла монахиня и вытирала со стекла сліды поцівлуєвъ чистымъ полотенцемъ. Сіяли пелены, изумительно расшитыя водотомъ. Все сіяло изумительной красой.

Меня охватиль молитвенный восторгь, в твердо корі-

9

Не разставалась я съ мыслью уйти въ монастырь и когда мы вернулись съ богомолья домой. Въ моей д'ятской голов'ь стояли образы кроткить монахинь.

Прошан праздники, закипъла работа. Миъ дъла было много, да еще любимиго: ъздить въ поле съ огромъ, таскать тамъ снопы в навизать возы, а за это, въ награду, возвращаться сидя высоко на возу в сбрасывать снопы на гумпъ.

Черезъ три дин началась молотьба, — вотъ раздолье. Поставили сущить снопы на току. Рожь золотится на солица, пакиеть свъщая солома, амбаръ и половень открыты: вся жизнь здась, на току.

Подъ густой ракитою стоить ведро студеной воды. То и дело покрикивають:

— Дешка, дай воды!

Сестра Маща на три года старше мени. Сидитъ Маша въ тъни и вышиваетъ на плавцатъ. Она у нясъ немного хромая, — а потому ее мало треноматъ: она всего больше занимается рукодълісмъ. И любила же я, когда дома была молотьба: какъ стануть по мъстамъ, да какъ взилкнутъ шестью цъпама заговорятъ гулко цъпы — только снопы подскакиваютъ.

Ну и жадиме на работу, какъ будто боятся, что у нижь отнимуть ее. Въ одинъ мигъ копны двъ уже обмолочено, а къ вечеру уже обмолоченъ весь одинокъ ржи, и выросъ волотой скирдъ соломы, а на скирдъ и взберусь и оттуда лечу кубаремъ прямо подъ ноги сестрамъ. Тъ роняютъ носилки, и пока соберутся меня ловить, — я уже далеко.

— Ну подовди ты, діаконъ патепскій, — кричать миз во слідь, да я знаю, что всімъ весело на молотьбіз в угрова миз не страшна. Одна только Маша хмурится. Біздняжка завидуєть, что не можеть раздізлить съ нами такую работу...

А за молотьбой и Покровь ближо.

Съ нетерпвніємъ ожидала я Покрова: первоє въ школу пойду, а второє предстояла на Покровъ свадьба Авоняки, старшаго сына Потапа Антоныча. Всв говорили, что свадьба доляна быть богатал: Авоняка въ городв милъ, а вернулся домой хорошо одвтымъ, съ деньгой.

— Умный малый, сберегь копейку, не пьяница, — говорили бабы. А когда вышель на улицу Авоняка въ суконной поддевкъ, въ шалоновой рубахъ, да въ новыхъ сапогахъ съ наборомъ и глубокихъ калошихъ, то всъ бабы даже поахали.

— Ну и малый.

Афоняка быль такой-же веселый, какъ и Якушка, его млядшій брать.

Невъста была сирота, Татьяна Абрамьския, красивая дъзушка, работящая, а пъвунья — лучше не надо. Служила она съ малыхъ лътъ въ горинчныхъ у Рышковой барышни. Им'яніе Рышковых за ріжой, въ деревич Каменевка, и бывало какъ запостъ Татьяна въ барскомъ саду, у насъ самино.

Она пъла пъсии, а не кричала, какъ обыкновенио въ деревиъ дъвки пъсни кричатъ.

Голосъ у нея быль, какъ чистое серебро. Барыня Татъ-

Татьяна и Афанасій -- пара чудесная.

Богатъ Покровъ свадьбами. Всъ стараются Покровскія свадьбы справлять: на Покрова у крестьянина всего полная чаща.

Все собрано, заготовлено, полны закрома верна.

О богатыхъ и говорить нечего, по даже и у такихъ небогатыхъ, какъ ны, къ Покрову всего вдоволь.

У моего отца было семь десятить нахоты. На семью въ семь человъкъ — это немного, но родители мои были козяева кръпкіе и при хорошемъ уромав и у насъ были достатки. Бывало зайдещь въ амбаръ: закрома полны, пшено, крупы, на балкать висять копченые гуси, окорока, въ бочкать солонина и сало. А въ погребъ — кадки капусты, огурцовъ, яблокъ, грушъ. Спокойна душа хозяйская, все тяжкимъ трудомъ пріобрітемо, зато благодать: зимой семья благоденствуетъ.

Мать усердно гоняла насъ въ лёсъ: дикіл яблоки для сущки возами возились, мізшками таскали орізи, которые припрятывались до Рождества. Было и у насъ изобиліс.

Воть на Покровь день, съ ранияго утра, у Потапъ Антоныча поднявась въ домъ горячка: готовятся къ пированью.

Мой отецъ и мать были приглащены почетными по-

Къ полудню все готово. Брякають бубенды, сытые кони не стоять на мъстъ; кони гордость Потала Антоныча, у него на конюшић всегда сытые кони.

Тронулся свадебный повядь, треанонять бубенцы, залилася гармоника, мелькають яркія шали поважанокъ; меникь по неавсту повхаль.

Повадъ двинулся кругомъ, черевъ плотину, а сестры Афанасія и мы переправились на лодив, и прямо черевъ садъ въ усадьбу Рышковой.

Во фангель, гдъ обряжали невъсту, трудно было войти: всъ окна облътаены любопытными, съви полим народа, но мы то родия и насъ въ горинцу пустили.

Только что благословании Татьяну посаженные отецъ и мать. Всв заплаканы, всвять опечалила пвеня, которую пвли подружки, расчесывая косу невъсты. Эту протявную, малобную пъсню всегда поють невъсть-спротв, во обыкновенно до конца не доводять и прерывается пвије рыданіемъ подругь и невъсты:

> У вороть на елев, и вороть на елев, Слеталися пчелки, слеталися пчелки, Одной пчелы изту, пчелкной натушка. Пчеливая натушка нь отлоть отлетвля, —

> — въ отлетъ отлетъла. Къ Титанић въ боскду, собаналиси гости, Одного госта изту, гости дорогого —

— батюшки родного. Татьяшинь батюшка, онь у Бога на поручать. Просилси у Бога съ небось да на вешлю, На емротеную свадьбу,

— спротскую свадобу, Спроку посмотрать, какь скроти смаркиена Съ къкъ посмона, къкъ благословлена.

Татыяна разстроенная, взволнованная, ждала женила. И воть послышались голоса: "Бдуть, Бдуть". Подружки высустились, выбъяван на крыльцо, наистрачу менику, который уже възжаль въ ворота.

Запъли подружки:

Ой прилотиль да сивой голубь иль чистого поли, А сязая голубущих съ ясленой дубраны, Вступилься, вагоревалася по воля Татьяна: Охр, свать, ты мол, оль свать, ты мол, батюшивые воли Одъ сайть ты моя, окъ сийть ты моя, интупивна ийга, Такой воля, такой въгн, у свекра не будеть. Стоять кожи за воротами, а век осъдлавии, Воровые, за пироками, хорошо прибражии. Разыгранись, разыградась, коки вороные, Побъявля, побъявли въ седы веление, Поскусала, потоптали цваты голубые, Повади ихъ щла Татъянушка, плакала — рыдала. Она плакала — рыдала, цийты собирила, Она цавточки собирала, на ленту вазала, Своему другу Афанасыющий щаму убарела. У Афанасычники, у Потаповича за плавной дифточника. Ой кто-не тебъ даль, ой кто подаряль --Татьява дружочекы

Женихъ ступнав изъ повозки и съ дружками взошелъ на крыльцо. Подруги невъсты сдълали заставу, требуя выкупа. Онъ грозитъ—смаой возьму, но застава стоитъ крапко. Женихъ бросилъ рубль — дороги не даютъ. Бросилъ три — заставу силли.

Степенно входили въ горницу повяжане. Кланяясь, астръчала ихъ Татьяника тетка:
— Милости просимъ, святочки, святочки. —

Женикъ и невъста стояли у краснаго угла. Невъста держала подносъ и двъ рюмки, а женикъ графииъ съ водкой.

Рядомъ съ невъстой свяха держала дары.

Поважане подходили подъ рюмочку, получали даръ, вытерали имъ губы, и отъ себя одаривали невъсту: клали на подносъ деньги. Дары перевизывались черевъ плечо. Когда обрядь съ дарами быль окончень, всв усв-

Двиушин запълн:

Ой по модзо — моряо, да во симену моряо, По шпрокому раздолью Тамъ плыли, восплывали да четире утели, Да четыре мододых Первая утека, инпередъ выпланнала, чипередъ выпланала. Во теремъ вагалямами. Что во терема играють, во высокомъ гуторають, Столы выдвигають, дубовые накрынцогь, Полотия катають, сундуки векладають. Татьяна Абрансьения по свиношкамь должев Тямоло воздыкаеть: Окъ кологы, колоточки, колоты мои дъняные, Не годъ я васъ пряма, не два собирама, Пришав негодина, неселвя вечерима, Весь дарь раздарила, Я свекру рубацку, свекрови другую, Мяльние деверечками всёмы по порточкамы, Малой золовущей, иль посущем ленту. Изъ коем годубую, Носи укращайся, замужь собирайся.

Туть гармонисть приложился щекой из мізламь гармоніи и разсыпался мелкимъ бисеромъ плисовой. На средину горницы выплыла сваха со сватомъ. Умъ макихъ только колінть не выкидываль свать: то присядеть, то вдругь побіжить, будто хочеть сваху схватить. А сваха разгорівлась и полушалка упала в дрожить на голові бізлій, шитый чепець.

Когда гармоника смолкла, у свахи въ рукахъ появилась тарелка в графинъ. Подружки вышли изъ-за стола и стали "объигриватъ" поважанъ. Наполнивъ рюмки, онв запели, обращаясь къ моему отщу: Пойдинь редонь, пойдень редонь по болрамь, Найдень гостя, найдень гостя, молодого Васильномих человамь славиней и богатый, Славился подъ Москвою своей нажей и любовыю.

Игрицы объигрывали моего отца и его "боярыню" мою мать. Всё знали, что Василій Абранычь любить помучить вгриць: овій пійли, а рюшка стояла не тронутая. Запійли отцовскую любимую:

Како по съиме, по съимине,
По монние съиме нохаживала
Молодая болрям Акулим Фролошка сийть.
Они кодили — похаминала,
Голорила — погонаринила,
Голорила — погонаринила своиму другу — милому
голубшку бълому

Вса Василію Абрановичу:
Охо друго ной меленькій, разголубчань біленькій,
Приклаж, сударь, карету подавать,
Во каретуний насто лонадей,
Чтобы кучера были молодевькіе
Чтобы коешки воровенькіе,
А форейгоры пріубрань, принатудрены, ваномажены.

Отедь, ради плутки, выпливь рюмку, вичего не поло-

Васильющих отдари, отдари. И насъ перицъ ис мори, не мори, Въдь насъ перицъ немисило, полношно, Съ перицъй делиносто, делиносто.

Тогда "бокринъ" не стана досталь деньги и къ общему удовольствію бросиль на тарелку консіну. Уграцы не остались въ долгу и запали:

> У намего гости, у вышего гости Карманы кудые.

Тогда отецъ сдёляль видъ, что достаеть гаманъ съ деньгами. Сваха, приплясывал, подняла тарелку надъ головой, а всё подкватили:

Ой что въ стол'я гренить, Ой что въ дубовоить гренить, Васильновита индвой дисанлить, Абрановичь, полотой.

И самой веселой пъсней стали задобржиать "боярыню":

Какъ на горькъ два терена стоитъ. На теренъ два теренъ два голубенка сидитъ, На теренъ два голубенка сидитъ, Они променъ себи ръчи голоритъ, Разголоры разголариваютъ Про такого улалого молодия, Про Василія Абрановичь, онъ богатый именетый человъкъ, Все по Курску по городу гуляль, Пятиками дорогу устилаль, Полтиками дорогу устилаль, Полтиками дорогу устилаль, Рубленъ ворота отворяль, Съ подъ мезоли сироть занкумаль.

Отецъ кинулъ на тврелку три рубля, игрицы завертвансь вихремъ:

Благодарствуй Вескльновка на твоень большость дару, Что гораздо игридь дарить Не рублемь полтикой, колотою грациой.

За отцомъ, въ чередъ, поднески чарочку моей матери. Она игрицъ не мучила, а выпила сраву, только попроскла красненькаго, потому что веленаго не уважала. Выпивъ, мать плескула остатки въ потолокъ, чтобы молодые "побрыкивали", и опустила на тарелку полтину.

Въ ся честь півли и плясван старательно: всі знали, что и сама Акулина Фроловна больщая піввунья-игрунья.

Я виділа, какъ вагорізлись у матери світлые глава, квиъ трудно ей удерматься, чтобы не выскочить, не ударить "въ три ночи", но пойзжанамъ еще не политается пляски: должны они сидіть за честнымъ столомъ.

Залюбовалась я матерью — такъ она оживилась: голова заправски повязана кубовымъ платкомъ, изъ-подъ повязки выбилась на лобъ прядь, какъ не спрячеть все выбивается.

По мосму прятить прядь и не слёдуеть, она очень мить укращаеть. И какъ красиво ся новое коричневое платье съ широкими рукавами, бёлый воротничекъ и турецкая шаль на плечахъ. Лучше матери нёть никого. Ну, конечно, никого нётъ.

У кого же такое чистое хорошее лицо. А голубые, добрые глава, а зубы — веселая бълнана — когда она засывется, у кого есть такіе?

Мий стало скучно, что она далеко сидить отъ меня и не могу я къ ней подойти и приматься.

ø

Да, любила я мать. Вывало, какъ уйдеть она изъдому, все я смотрю въ ту сторону, откуда она должна показаться. Помию, я всегда спала у нея въ ногахъ, помяю, какъ обнежала и цівловала ея крестьянскія месткія ноги, въ трецинахъ отъ загара, не знакшім устали ради насъ...

Она надоравлась-бы, лишь было-бы корошо ен ді-

Бызало придеть изъ города усталая, измученияя, а съ сіяющимъ анцомъ бережно достаеть виноградъ, купленный на работные гроши и насъ всёхъ одёлить. А мы внаемъ, что она не побаловала себя даже одниять вернышкомъ-

Наша милая мать.

За свадебнымъ столомъ, рядомъ съ матерыю сидвлъ баринъ, маленькій, свденькій старичекъ — управляющій кмізнісять Рышковыхъ.

На деревић его прозвали "Чортъ Возьки", за его любимую приговорку, которую онъ повторялъ, чуть ли не на кандомъ словъ. А усы да борода у Чортъ Возьми были совершенно мелты отъ табаку.

Сейчась онь весель, краснорачивь, воть встаеть, го-

— Сегодня, чорть возьми, и душенно радь. Моя любимица, чорть возьми, Татьяна—давка хорошая, сирота, а умная, чорть возьми. И ты, брать Афанасій — молодець, чорть возьми.

Моя мать, не любиншая чернаго слови, дергала его за рукавъ:

--- Семенъ Петровичъ, батюшка, ну что тм, подъ святыми, да такимъ словомъ непутевымъ...

Но Семенъ Петровичъ не унимался, онъ даже прослевился, когда сказалъ что Татьяна, чортъ возъми, сирота, и что судьба послала ей хорошаго, чортъ возъми, жениха.

Вевиъ понятим слевы Семена Петровича, онъ самъ одинскій холостякъ, а ласковая Татьяна, какъ дочь, заботилась — украєнла его старость. Аншается онъ теперь этой радости.

Пированье идеть къ концу, скоро повскуть въ церковь невъсту. Мон сестры поспъщная къ додкъ, чтобы попасть на вънчанье. Отъ никъ не отстала и я. Къ вечеру, изъ-за авса Мороскина, отъ деревям Каменевки, заслышались бубенцы. Я юркнула въ толпу народа у церкви. А среди любопытныхъ Фенька Боглаева, Филиппика и Стефаника, прозванияя за неопрятность свою Желтоножкой — лютыя сплетинцы деревенскія, судачуть, да стараются разглядать все получие, даже и то чего вътъ. Приближается свадебный позвадь, народъ загудаль.

- Гая, гая, двъ подводы съ добромъ и коврами покрыты.
- Сундукъ-то агромадный, а укладка поменьше хихикнуля тутъ Желтоножка.
- Да-ть, нова, онъ и пустой, сундукъ. Кабы она намъ его показала — прощинъла Фенька Боглясва.

Придурковатая Филиппика дернула носомъ и захихи-

Сундукъ-то, сундукъ, можа онъ и пустой, а можа съ полъномъ: въ подъ ковра не видать. А вотъ невъста

 шуплая, жиденькая, для нашей работы не годисси, это
 ей не тарелки у господъ ливать.

Туть сторожиха Лукерыя заступилась за невізсту:

 Ну и языкъ у тебя Фидиппъевна. И никому-то ты проходу не дашъ. Ты на себя посмотри: ин коми, ни рожи. Эхъ ты, — честная вдова.

Филиппина векнивла:

— Дыть, пускай она съ мое повилеть. Мой покойвой Лорквонь, Царство ему Небеское, алой быль, чорть ему въ животь, умо на смертномъ одръ лежить, а самъ деротся... Во, домовой. Не жисть, у каторга.

А тамъ временемъ невъсту и же дека уже въели въ перковъ.

Хоръ излъ торжественно, панихадило горвло, на вналов лежам свъчи средъ алыхъ цавтовъ: богатая свадьба. По обычаю андо Татьяны было вакрыто шалью, н когда сияли плать я увидела, какъ блёдна Татьяна. Она опустила глаза и пока длился обрядь не подняла ихъ.

По душе пришлась иле Татьана.

Я полюбила се и не ощиблась тогда мое дътское сердде. Послъ вънда исе устремилось по двору Потапа Антоныча.

На порога горницы, в шуба на выпороть, съ кайбомъсолью стояли Феодоровна, мать Афанасія, в рядомъ Потапъ Антонычь съ обравомъ и чарочкой. На полу быль постланъ еще полушубокъ, шерсть къ верку, что бы молодые были богаты.

Когда новобрачные ввощам на крыльцо, ихъ засыпали живлемъ, а Потапъ Антонычъ, трихнувъ головой, вымолнилы:

 Добро пожаловить, молодайка, во святой часъ со молитовкой.

Подъ окнами запавскам и запъли, величая молодымъ:

Во горенью, во повой, Стоить столь дубовой, Какъ са этомъ на стола, Скаторточка воев H GOER H GAR. Въ цатъдесять приновъ ткана. Какъ за этимъ за столонъ Да сваять голубо молодой, Со, голубушкой силой. À што голубь, а што сивый Світт Афонючина душа. А голубушка сивая, Татьянушка хорозва. Соважались, собирались, Ulypu -- Sparis oro. APPOPRANCE, ANDOBRANCE. Молодой жовъ его. То ли беба, то ли беба,

Молодида корони.
Око набо ота молодица, —
Младцу во руки вручени.
Я бо білало — румкию купиль,
Я бо но биль, не муркаю
Ужи и літивно пороко.
Во колисочкі возило
А миною — студеною,
На саких-комирикь,
На саких-комирикь,
На киндицинко лошадяхь.

Гудвал горинца палской, ивсилми, заанвался гармонисть, дробнымь менчугомь разсывался Якушка: то соловьемь засвищеть, то выкражиеть — "разь, два, чище!" Ну и отвель же душу, ну и уваниль.

А средь гуда слышалась отвени подвыпившаго Потапъ

Антоныча.

Сколько я его помию, всегда онъ пълъ ту-же пъсельку:

> Череть развинку, череть быструю, Да лежить доска, токих — кластии. По таки доскить и кодила, Одку доску проложеля. Да куркль — бракиль немя свенорь, Да браниль — куркль ве за дало, Вос-из за самое бездалів.

Ужь балько къ полуночи, попенила мать сестрамъ, что д еще тутъ главъю, когда давко пора мив спать: вантра въ пислу идти.

Нашъ дворъ и дворъ Потапъ Антонича, были переторожени только плетнемъ и до зари довосились къ намъ пъсли и гулъ пляски...

.

На утро долго будила меня мать.

Угро радостное. На переборић, надъ кроватью, весело бъгали солнечные зайцы. Въ избъ пахло блинами.

Висить на шеств мое розовое платье, передникъ съ пътуками в цегреневые полусапожки, что за "шишку" я получила. Ужъ не разъ я въ никъ щеголяла.

Сегодия, для мягкости, полусацожки мон смаваны са-

И воть я нарядно одъта, въ моей косичкъ красуется лента, которую мят подарила діаконова дочь, Наталья Ивановна, за то, что я носила продавать ен стряпни пирожки на станцію желівной дороги: два мізсяца назадъ провели въ трежь верстахь отъ нашего села чугунку. И на удивленіе всему селу прогреміть, дыща огнемъ, по-

Туть то Наталья Ивановии и пореднила кормить пу-

А кто же, какъ не Девка, посиветь къ поваду, пока пирожки не остыли.

Я охотно бъгала на чугунку, очень много было тамъ любопытнаго, много разныть госнодъ, и котя стращилясь я чернаго чудоница-наровова, но и къ нему попрывыкла, а свой товаръ сбывала удачно: Начальъ Ивановић всякій разъ приносила пустую коранику и денегъ двадцать пять копъекъ. Въ награду за такую торговлю получала я одинъ пирожекъ, — дъйствительно сдобный — в копейку въ придачу. А вотъ сегодия прислала Наталья Ивановия хорошую ленту.

Повязана моя годова беленькимъ, съ желтой касыкой, платкомъ, а по тому случаю, что тулупчикъ мой еще не готовъ, нарядили меня въ материно козинетовое полупальточко.

Помолялись Богу, ш я степенно ш важно выцила на улицу, — впервые, кажется, не вприпрымку. Около школы толпились давочки, мальчики.

Дверь была еще закрыта, я успала оглядаться: много незнакомыхь, но много и Вияниковскихь.

Хоти и весело было туть, все же сердце билось тревожно.

Воть вастучаль деревянный васовь, распахнулась широкая дверь и туда хлынуль потокь яркихь платочковь, картувовь, большихь отдовскихь шапокь.

Въ гомонъ дътскиоть голосовъ трудно разобрать, кто чего хочеть. Я, новичекъ, скромно жалась, почтительно всъмъ уступал дорогу; даже пинки, которыми меня уго-щали, безотвътно терпъла. П не отходила отъ Серафины, дочери священника. Она была подруга моихъ игръ, в училась уже второй годъ и могла за себя постоять.

Но воть раздался голось: "По містамь". И въ просторномь, біломь классі утижло: на порогі стояль учитель, Василій Гавриловичь.

Высокій, съ пріятнымъ лицомъ, въ свромъ костюмв, бълосившный воротничекъ, манжеты, очки золотыя, а штиблеты такъ и блестятъ.

Меня еще не было на свътъ, когда онъ уме учитель-

Мужнии его любили: "умный нашь Василій Гавриловичь, добрая душа, честности непоміврной, настоящій баринь, даромь что біздимій, а исе село по милости его грамоту знасть".

Такъ говорили господа мужним, да еще прибавляли:
— Это не чета Богданову-барниу, того мы и въ глаза
не вядимъ, только его управляющій, ибмчура, знай ему
деньги высылаеть, а баринъ ихъ въ карты проигрываетъ.

И дъйствительно мужики говорили не даромъ: какъ разъ въ эту анму управляющій получиль телеграмму.

"вывози, что можень и что успћешь, имћије уже не мос, заитра прівдеть новый козлинь".

Богдановское нагвніе было прояграно въ карты.

А учителю нашему несли къ правднику, кто что могъ, всякую живность, да в верио: любили Василія Гавриловича...

Учитель поздоровался. Пропъли "Достойно есть" и съли ны по мъстамъ. Со мной рядомъ сидъла Махорка Костихова, а Машутка свади насъ. У самой стъны сидълъ Гришка Черкесовъ наъ деревни Богдановки.

Этоть смуглый, какъ цыганенокъ, паринцика быль бичемъ школы. Онъ сидёль два года, а то три, въ первомъ классъ.

Гришка тотчасъ-же дернуль меня за косичку. Я покрасивла до слевъ, по дать сдачи при учитель не посмела.

Моя однолітка Сашутка Сименикина, два сына ктитора, Ваня и Вася, Надька Гаврикова, да сынъ завочника Козурки, Миша, всі мы сегодня впервые пришли въ школу и были потому тихіе, боязливые, а Гришка Цыганснокъ чувствоваль себя королемъ и щипаль насъ немилосердно — кто подъ руку попадался.

Учитель тамъ временемъ вызываль старшихъ къ доска. Наконецъ, окъ подошель къ намъ, держа въ рукахъ балыя карты, на которыхъ были написаны черныя буквы.

Онъ показаль намъ одну и сказаль, что буква эта навывается — "А".

- Ну скажите вев разонъ в...
- А-а-а отв'ятили мы хоромъ, но вышло очень нескладно и Гришка передравнилъ. Учитель строго посмотр'влъ на него и сказалъ, что поставитъ въ утолъ "столбомъ", если онъ еще равъ появолитъ что-либо.

 А-а-а — скова повторили им резонъ. А Гришка вдругъ забленлъ:

— Бае-беа.

Василій Гавриловичь покрасивль и туть-же приказаль Гришкв стать вь уголь. Цыганенокь стояль наказанный, в я подумала, что действительно мы блеемь точно овцы. И еле удерживалась, чтобы не последовать Гришкину примеру.

Такъ мы одольян три буквы, учитель ушель въ свою

комнату, классъ зашумваъ.

Первая переизна...

А на второмъ урокъ, намъ уже роздаля буквари, доски, грифеля и задали урокъ писать палочки. Признаюсь, у меня эти палочки плохо выходяли, такія несуразныя каракули — пуватые.

Учитель покачаль головой и скалиль:

 Ужь ты, Вилинкова, постарайся, а то для перваго раза что-то плоко.

И помию, на третьемъ урокъ, учитель принесъ потертую скрилку и роздалъ старшимъ ноты: впервые и увидъла урокъ пънік...

Воть я и учусь.

Теперь попривыкав: мив все дается, только палочки, опалы и полуовалы дурно выходять, какъ ин стараюсь.

Не одолжю иль върно и до самой смерти.

Гришки уже не боюсь: первое, сама ему сдачи даю, а второе у меня защитинки есть — Ваня и Васи, сыповыя ититора, ребятки неоворные, добрые...

Стала вима. Какъ хорошо сидъть по вимнимъ вече-

У сестры Маши научилась я вышивать на пяльцахъ п теперь меня не тянеть изъ дому: подругь вишу въ школъ, а дома работа, которая мий по праву.

По дошан святки. Неумолчно гудуть прядки сестерь,

а мать мотаеть пряжу и готовить красиа.

Зима сившная, сугробы вровень съ крышей. Славно кататься: заберешься на крышу сарая и мчишься-летиць поямо на обчной ледъ.

Уже появились на свъть Бомій любинцы мон: кроткіе, нъжные ягнята. Мать всегда выносила ихъ изъ хавна погръться въ избу и самала на печку. У меня пріятная должность ягнять караулить, чтобы съ печки, часомъ, они не упали.

Мать в сестры уже выпряли всё занашки и лень, основали красна, теперь внесуть въ избу станъ и будуть сестры навивать пришву, а мать начиеть ткать холоты.

Я досадовала, когда вносили въ горницу неуклюжій стань, который застиль світь, занимал поль набы, но "цевки" сучить я любила.

Подъ инкрокой ланкой, на которой и работаю, стоить три лукошка, а въ нихъ сидять на яйдахъ гусыни — ваййшіс мои враги. Не люблю этой птицы. Онв высививають птенцовъ, а кому стеречь — Дежкв.

У противных, даже опустить ногу съ лавки нельвя, куслются, шинять, точно виви. Еще корошо, что симу около мамочки и слушаю, какъ она шепчеть молитвы. Всв молитвы, какія внасть, она перескажеть и наступить на приножку и пустить въ зваъ гладкій блестицій челнокъ:

— Во имя Отца, Сына в Святого Духа...

Быстро мелькнеть челновъ, въ ловкихъ рукакъ вастучитъ бердо, "стукъ-стукъ", а уста все шепчутъ святыя слова. Я усердно, за совъсть, сучу цевки, чтобъ были кръпкія, — мамочкъ кочу угодить — насучу літукъ пятнадцать, зъ коробочку сложу: что меть мив сдёлать велёла, то я и сдёлала. А оча мив за работу дасть кусокъ сахару в скажеть.

— Все равно, что конфета.

Иногда ублюкивало меня мельканье челна, стукъ берда, да теплая спина мамочки, и я засыпала. За окномъ, бывало, бущуетъ выога, завываетъ на разные голоса въ трубъ, бъщенно мечетъ солому на крышъ, а миъ и не стращир. И просыпалась я уже на постели, не въдъя, ято я какъ межя туда перелесъ.

ŵ

Въ втомъ году, къ весив, лучше вскът расцивла у меня вътка черемуля. Подъ Андрея Первозванняго поставили мы въ бутылки черемуховыя вътви и загадали: у кого расцивететь, тотъ будеть счастливъ. У сестеръ зачахли, в моя вътка на удивленіе пышная.

Всв говорили:

— Это ты будень счастанняя.

"Ну экачить въ мовастырь уйду", думала я. "Въ томъ мое счастіе".

А на дворъ весна... Сивгъ почеривлъ, сталъ рыхлымъ, проталины заснивли, солнышко еще въ робости, в припекаетъ. Потапъ Антонычъ, встряживалъ головой и почасту гозорилъ:

 Благодать, по святой чась. Надобно загодя съфадить въ городъ, а то черевъ недважку половодье заступитъ.

И правда, педван черевъ двв, подъ оквани у касъ расшунвася ручей.

Мы съ Машуткой устронан состиваніе, выб'ягали наъ набы босякомъ, валавили въ рыклый сивгъ: кто дольше въ сивгу простоитъ, тотъ молодецъ.

Молодцомъ всегда бывала я, но и подзатыльники получала тоже я, если ито изъ старшихъ приматить этакой спорть.

Въ набъ не усидъть, такъ свътла весна на дворъ. Сестры моють, скребуть у нашего ручья, чтобы даромъ подъ оквами не шумъль. Мать кончила ткать; вынесля станъ, набу бълять: скоро заступить Великій День.

Кто же не внасть радости радостей, Свитлаго Христова Воскресенія?

Посла суроваго поста, посла вимней таксноты въ наба, посла упорнаго труда, приходить вешній великій правдикъ, а съ нижь и святой заслуженный отдыхъ.

Съ върой и чистотой готовятся астратить престъяме Правдинковъ-Правдинкъ.

Святая, великая суббота...

Въ тонкомъ сумракъ вечера теплятся дампады, столъ покрытъ скатертно съ раскату, посреди стола миски съ крашенными яйцами, а въ углу, подъ образами, завлазанный въ бълосивжный платъ, стоитъ куличъ, готовый для освящения.

Утренняя суста стихла, только за печкой неугомонный сверчокъ-гурюканъ, завимовавшій у насъ, точить свои вожничия въ тишинъ.

Отеда еще управляется со скотиной, а мать переодаваеть платье, чтобы идти ва церковь. Ожидая мать, я то в дало подхожу ка куличу и еле удерживаюсь, чтобы ве отковырнуть выюминку, а то сахарный бисерь. Но мать предостерегаеть:

Смотри, Дежка, не оскоронься, уже не долго ждать.
 Вонъ Настенька и Дуня съ пятикцы маковой росинки
 въ роть не брали — все жениховъ вымаливаютъ...

Мать вышла въ свии. Тихо скрипнула дверь, пахнуло сивжестью вещняго воздука. Пелена у образовъ покачалась, чуть дрогнули лампады, и забъгали тъни по ликамъ святыхъ, — будто ожили лики.

Въ набъ осталась я, да гурюканъ. Сегодня всю ночь мать жарила в пекла, а гурюканъ теплышко любитъ, — вотъ и заливается трескотней.

Я ступила къ куличу; больно пахнетъ душисто, — но оскоромиться, Боже, сохрани. Автося быль такой грвхъ, в отковырнула кусочекъ, а потомъ горько и долго мучилась.

Мон раздумья надъ куличомъ прерываетъ голосъ отда:
— Мать, а мать. Пора въ церковъ, народъ уже собирается.

— Я готова — отвічаєть мать,

На двор'в темень и отець идеть съ фонаремъ впереди.

— Не упади опять — говорить онь, когда мы переходимъ ручей,

Шумъвшій утромъ ручей, сейчасъ ватихъ и чуть слышно воркусть, будто боится нарушить величіс Святой Ночи. А недълю навадь такой онь быль буйный: шумьль, грохоталь, тащиль за собой все, что встрічаль по пути, спадая въ глубокій оврагь. Изъ году въгодъ, въ половодье, оврагь ширится, углубляется: скоро къ нашей избъ подойдеть.

Разъ ручей приносъ и выбросиль подъ мое окно дары: деревянную куклу. Краска съ нее давно была смыта, но радость моя не стала отъ того меньше.

Другой разъ, нашъ ручей подариль мий большую раковину. Она переливалась радугами и я ришла, что раковину принесъ ручей съ какого ин на есть дальнято моря и что воть изъ этой самой-то раковины и дилають та пуговки, которыя такъ мий правятся... А на прошлой недвлю, ручей надвлаль мив и быды: котвла его перейти, но подмытая доска провалилась и по колвиа я шлепнулась въ бъгущую, мутную воду.

Мать осердилась, что я промочила опучи и лапти, меня загнала на печку, а лапотки мон поставиля просущить. Утромъ мать достаеть ихъ изъ печи, а одинъ лапоть сгорваь. Эхъ бъда, лапотки-то были новые. Николай сплель миз ихъ изъ тонкихъ лыкъ, съ ввичикомъ. Я поплакала, а сестры и теперь меня дразнятъ:

— Дежка, а куда твой лапоть подвался...

Въ темнотъ, по селу, мелькають, плывуть разнодвътные огоньки; невидимая рука несеть ихъ къ храму, который весь свътится, какъ тикая Купина Неопалимая.

Въ церковной оградъ легъ бълый вънокъ изъ узелковъ съ куличами: святить принесли.

Пахнеть свъжая травка, пусть ее притоптали мужицкіе каблуки. На паперти въ тихой бесёдё сидять прихожане. Обыкновенно шумливые мальчишки попритихли. Нельзя я подумать, что вокругь церкви и въ ней такое множество народа.

Благоговійная тишяна. Слышень веімь чистый голось Мишутки Стефановича, читающаго ділнія.

Но вотъ чтецъ дъяній апостольскихъ смолкъ, только слышно сдержанное покашливаніе. Вотъ заколькалась надъ головами Плащаница, тихо поплыла, сокрылась въ алтаръ. И зазвенъли серебрянныя хорутви, закачались надъ толпой образа, высокое распятіе, и одна за другой вспыхнули свічи, кротко озаряя лица. По щекамъ у многихъ катятся слезы. Тишина.

Тогда не дивилась я ни тишинв, ни слевамъ, тогда Дежка, какъ всъ, переживала благостную минуту. П теперь я внаю, что ивтъ драгоцъннве сокровища у человъка, чъмъ эти слезы — тайная вечеря души, свершаемая въ святой тишинъ.

 Воскресеніе Твоє Христово Спасе, Ангелы поють на небеси и насъ на земл'я сподобити чистымъ сердцемъ
 Тебя славити.

Я прижалась къ матери, и вся — слукъ. Святое пъснопъніе, то приближалось, то удалялось; крестный кодъ идеть кругомъ церкви.

Снаружи, у запертыхъ дверей, послышался возгласъ

батюшки:

— Да воскреснеть Богь в расточатся врази Его...

Ликующе понеслось въ отвътъ:

- Христосъ Воскресе изъ мертавиъ, смертно смерть поправъ и сущимъ во гробъ, животъ даровавъ.
 - Яко исчеваеть дыкъ, да исчевиеть. —
- Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ... ликовало уже въ храмъ.

Вспыхнула, побъявла огненная эмейка, заяглось пани-

кадило, ярче васверкала бізлая риза священника.

Анца озарены, улыбаются: все отошло — горе и влоба. Отдываеть душа.

Крестомъ, убраннытиъ цавтами, священиниъ освинетъ молицикся.

— Христосъ Воскресс.

--- Воистину Воскресс, воистину...

Кръпко инветъ во миъ пямять о свътлыкъ днякъ милаго дътства. И кръпка во миъ въра, данная моей без-

грамотной матерью.

Мать, да будеть благословенно имя твос. Сокровище, ванъщанное тобой и не потеряла и адъсь на чужбинъ. Оно даеть мяв силы спосить горечи обидь, даеть надевди дождаться свътлаго будущаго... Еще я спала, а Машутка уже прибъжала за мной звать на качели. Доносились нив-за перегородки голоса сестерь и подругь: Домочки, сестры Якушки, и Параши-Куликовой, старшей Машуткиной сестры.

Он'в наряжанись из улиців. Домочка тревожно тараторила:

— Пришли ребята Богдановскіе и Заверскіе съ гармошкой, а наши говорять, пусть оми только поплящуть, мы имъ ноги-то поламаемъ, — къ нашимъ двакамъ дорогу забудуть, у нихъ свои есть, мы къ ихнямъ не ходимъ... Ой боюсь, дваоньки. — Якупка будетъ задираться, азарной окъ, настырный...

Дальше я не слушала, - убъжала на качели.

А тамъ недотоляное.

Ребята качають дівокъ, а Калинычь, парень Заверскій, разливается на гармонін. Ну и пригожъ Калинычь: на картуві, надъ правымь ухомъ, павлинье перо, рубаха красная, вышитая, и суконная поддеяка на распашку. Дівки на него заглядываются, наши ребята хмурятся.

Я давно слышала, что наши парии не дюбять Заверскихь и Богдановскихь и обзывають икъ "хамами". А потому они "хамы", объяснила мив мать, что Богдановскіе — бывшіе крвпостные поміндика Богданова, тожь и Заверскіе, воть и называются "хамы", а мы, Винииковцы, были всегда государственные, не барскіе.

Не любили Винниковскіе ребята, когда "хамы" приходили къ намъ "хварсить" передъ дівками. И нагнало грову: Якушка подъ чужую гармошку не плящетъ, а Иванъ Алешнвъ прямо объщаетъ гармонью Калинычу разбить.

Ишь, камова, ястреба, куражитея! — свиръпо плюнулъ Иванъ, повернулъ отъ качелей, а за инмъ ребята. А дівки ті плануть, оні ради гостиль: качаются, играють ва горіалки.

У меня подругь много, и мы авъели свои вгры около мельчицы.

Играли из "селения": становились всё из кругь, брались за руки, "учка" подила по кругу, в "селевень" за кругомъ. Селевень учицу старался поймать, "в орота" ему закрывали, пёли:

Садевовь утку голянть,
Молодой, сърую вегоность:
Пойди, уткуда, доной,
Пойди, сърям, доной,
У тебя семоро детой,
Долятая утка: —
Шутка Машутка,
Селезова Васютка,
Кочеть Инашка,
Курида Паракия.
Селезова утку загоность,
Молодой, сърую, автонольн...

Играли еще въ "корвнува", въ "пашию"... И вдругъ допесансь отъ качелей испуганные крики. Я побъжала туда, а сестра Маша, блъдная отъ испуга, ехнатила меня ва руку:

Пойденть, Дежка, домой. Иванъ Калинычу гармонію разбиль, Якушка и манть Колька ему помогали. У Николая рубаха разорвана, онъ пыкнымъ-пынны. Его домой повеля. Достанется Николаю отъ тятечки.

ė

Въ небъ отедъ сидъль туча тучей. Онъ уже видель Николал, но слова ему не сказаль, — что съ пъянымъ говорить.

А мать горевала:

- Малому девятнадцать діять и микогда не пидъ. А все пріятели.
- Я воть покажу ему завтра пріятелей, молокососу, трозно сказаль отець.

Когда Николай проспался, отець поговориль съ нимъ сурово, а чтобы ему не повадно было въ другой разъ напиваться, да еще въ Свътлый Правдникъ, — выгналъ Николая изъ дому: что бы ноги его не было.

Ой, никогда не быль отець такимъ страшнымъ.

Мы тайкомъ носили брату объдъ, и съ негерпъніемъ ждали, когда отецъ его проститъ.

И вотъ среди ночи, насъ разбудилъ стукъ въ дверъ.

- Кто тамъ? спросваъ отедъ.

— Тятечка это я, — послышался дрожащій голось брата.—Я пришель сказать — только-что шель я черезь погость мимо могилы Костика, сторожа церковнаго, ко-тораго вчерась скоронили, а онь въ могила стучить

 Мели Емеля, твоя недъля — васивялся отецъ. Но Николай уверялъ, что онъ всекъ соседей разбудилъ и

они тоже слышали, какъ покойникъ стучить.

Отець вельль ему ложиться спать и мертвецовь по ночамь не безпоконть.

Не внаю я, стучаль ан покойникь, или брать это выдумаль, чтобы вернуться домой, но напуталась сильно. Спряталась къ матери подъ мышку и не васыпала отъ страха всю ночь: какъ бы Костикъ съ погоста къ намъ не пришелъ. Погостъ-то бливфо, напротивъ...

ф

Свитять — мелькають вешніе дин. Уже расцивла и веленветь весна, наша меланная гостья.

Беревка, гордость матери, довърчиво распустила подъ

жакъ съ разбъта будутъ качаться ребята на ея веденыхъ кудряхъ, не опустила бы ихъ такъ низко къ вемлъ.

Подъ беревкой сидить сестры, Домочка, а съ ними молодайка Татьяна. Она балить колсть: мочать его на кадив со щелокомъ и растилають по зеленой трава. Холсты сохнуть на солнув, а Татьяна вышиваеть первенцу своему чепчики и рубашечки, давушки себа приданое, и вса поють:

И водици анлего, трава волежего, Сады расцийтають, соловые распивають, Кукушив кукують: у кукуших ийть друшка...

Издали, съ огорода слушаю я пініе: я караулю огородь съ коноплей.

Только усивю прогнать воробьевъ, какъ сядуть вороны, прогоню воронъ, а пътукъ ужъ самваетъ куръ: "пожалуйте, молъ, конопли вкусной откушатъ".

Я бытаю наъ конца въ конецъ по огороду, кричу: — Тучу, тучу.

Пернатые воры особенно нахальны яснымъ утромъ: они вовсе не боятся моего помощника — Чучела, которого я смастерила на страхъ врагамъ изъ тряпъя, съ растопыренными руками и съ трубкой въ зубахъ. Воробън надо мной просто смъются: усядутся на голову путала и оживленно чирикаютъ. Ну что тутъ подължень? Только и жду, когда конопля взойдетъ.

А тугъ еще забота: у меня за сараемъ садъ и растеть въ томъ садочкъ-мята, заря, ноготки, да подсоллуки.

Тамъ изгородь нужно поправить, латось и сама забила колушки, заплавла плетень, да осенью меринъ Потала Актоныча, мой плетень завилиль. А во всемъ виновать Якушка: меринъ ушель изъ конющия въ бурьянъ,

- а Якушив поря мало—знай посвистываеть, вока Потапъ Антонычъ не хватился.
- Якушка, идоль міздной, ты что-же это мерина упустиль? Загоняй, подъясельный, скорій. Прямо не узнать скотины.

впрямь, у мерина черная грива и хвость оть репь-

Якушка погналь мерина, тоть плетевь мой завалиль, а Якушкв поправить Богь удали не даль. Воть и вужно наново самой вагораживать...

Весна хороша, да гуси одолевното: кандый день ихъ на речку гоняю.

За такими монии трудами подходить и Трондынъ День.

ŵ

На Троицу выгонъ села Винникова пестрить нарядной толной. Выбълены и убраны велеными березками избы, разукращенъ цвътами и зеленые храмъ. Троица нашъ Престольный правдникъ.

Я поднялась до заутрени, даль много: нужно сбагать въ Мороскинъ ласъ за цватами. Машутка меня идетъ.

Чуть боязно идти намъ въ чащу: первое, сегодия русалки свирвнетаують и могуть защекотать. Мы иденъ до заутрени, а какъ въ колоколь еще не ударили, русалки свободно разгуливають. Другая описность — дъдъ Парменъ, сторожъ: ему только попадись. Ой, и влющійме. Онъ сторожить свиокосы Рышковой, а тамъ на бугръ какъ разъ растуть цватики, такіе красивые, какикъ нигдъ ивтъ.

У дізда тодстая дубинка и если вастанеть кого на сінокосахъ, — бізда.

 Ухъ, вы, проликъ васъ расшиби, — крижнетъ Парменъ в пустить въ догонку, подъ ноги, дубнику, ну, такъ и поровитъ ноги переломатъ. Стращно. Посоватовались мы съ Машуткой и рашили все-же за цавтами идти. Машутка-первенецъ, и посладыцть, и боятся намъ нечего, русваки перненцовъ и посладыщей не трогають. И дадъ Парменъ варно не идетъ, что мы такъ рано на санокосы придемъ, авосъ не увидить. А цавтовъ савинъ нужно: на Троицу пріванаетъ тетна Стеша наъ Бесадиной, она пойдетъ нъ обадит, а я ей цавтовъ соберу, и отцу, и матери, и нашу цкому укращу савинъ ванкомъ.

Дадь Пармень нась и ис чукав: им дали крюка и обощаи его сторожку. Все было тико и набрали им полныя окапки цватовь, еще мокрыхь оть росы.

Домой торопились, чтобы услыть кь утремь.

Въ держин твено и душно; не помогаетъ даже скнознякъ изъ настемь раскрытыхъ сваерныхъ и южимътъ дверей, а служба долгая, торжественняя. Вотъ дъвочка чумого села упала, ее вынесли; вотъ молодайка, салика водяновская, "на голосы заиграла".

Вывели ислодайну подъ руки, а кругомъ зешенталась: — Порченая, должно Кузьмихина въдъща испортила, пропасти на нее въту...

Вчера и уговорилась съ подругами, между утренней и объдней побъжать из беревкъ, что на опушкъ Мороскина лъса, и подъ беревкой, какъ и въ прежий Тронцы, покумител. Я снова выбрала себъ кумой Машутку: дала ей поцъловать мой крестикъ, а она миъ свой. Наскоро пообъщались мы быть върными подругами, заплели веление вънки в побъжали въ объднъ.

На Трокцу изтъ въ селъ двора бель гостей.

Множество народу изъ самыхъ дальникъ сель, повавилло гулять къ Престолу.

Когда объдня отошла, всв повалили на выгонъ, а на среднив его уже раскинули свои палатки пріважіе купцы.

У большой палатии, молодой прикавчикъ, падрываясь, вазываль покупателей:

-- Тульскихъ, вяземскихъ, медовыхъ.

Долго в выбирала, что мив купить, — котвлось и вяземскихъ и тульскихъ и царской нарамели, да и орбшковъ воловскихъ, но денеть у меня всего три копейки, даръ брата Николая: много не купишь. Подумавъ, купила и на копейку пряниковъ и на копейку карамели. Завязала все въ узелокъ и побъщала искать подругъ.

Гулянье въ разгаръ. Водять короводы Водяновскія саянки. Онъ, котя и нашего прихода, но у нихъ и нарядь и пъсни другія: водяновскія дъвушки, какъ одна, въ черныхъ сарафанахъ, очень узкихъ, съ красной каймой, только цвътные платки на головахъ, и всъ въ бълыхъ чулкахъ и въ котахъ, на подковкахъ. Когда плясали водяновскія — дъйствительно земля говорила.

Молодухи горять на солнув кичками, паневами, ослапительно ярхими передниками. Стали молодухи въ кругъ, одна запълв.

> Ой мать ты мов, Катарава, На что-язь ты меня спороднав, Носчаствую на горо. Счастья — доли но діла: Молоду амкунть отдала. —

И исъ, выбивая на мъстъ подковами тактъ, приговаривають:

Го со-со, го со-со
Ну еще, ще, ще,
Счастья — доли не дала,
Молоду замужь отдала.
Свяпровунка мурания,
Моя ладушка рязнива —
Го со-со, го со-со,
Ну еще, ще, ще...

Я и про объдъ забыла: "го со-со" заслушилась.

А туть запестріль громадный короводь-карагодь нашихь Винвиковскихь. Танокь первыми веди — Демьянь, Ивань Алещинь, Якушка, мой брать, а за инин парь двадіать, одна за другой.

Павани выступають дівніцы, сь "молодецкими посвистомь", да съ присидкою щеголье Ванникова. Поють:

> — А у вась на улидь, а у вась на улидь, А у вась на муравь, а у вась на воленой Такъ много корошикъ, тимъ много пригожикъ. Что корошо кодить, да манерио ступантъ, Савоть не ломиеть, тулокъ не нараеть, На конк садится, нодъ жить конь бодрится, Оть плетию манетъ, и ворошъ-конь плищеть, Побладь молодчить, къ степканъ-дорошканъ, Къ степканъ-дорошканъ, луганъ ко болотанъ, Гдв подица лилъеть, трана зеленъеть, Сади расцийтають, соловки расиваноть, Кунуния кунують: у кукуния ийть дружкъ... —

Півсню повчили и къ карагоду ступиль Сашутка Кураковскій, самый лучшій гармонисть на селів.

Его давно ждуть, но онь любить, чтобы его попросили, да и могарычь поднесли, — тогда разуващить.

Карагодъ растянулся въ большой кругь. Якупия засвисталь, залилея прибаутивни:

— Ай гді-нь это видно, ото пого из это сланово, Что-бы курочки бына родила, а бычеко поросенка? Поросенова явчко свесь, На высокую поличку ванесь, А полички свелилася, и инчео реабилося. Разъ, два, — чище, в-э-хъ! Я у Маниск венацики покрадъ, Голопувону за пакуху вилуаль. А сладой все подсматриваеть, А глухой все подслуживаеть, Базываний карауль вакричаль, Базыогій у погонь погим'ь, — ука тмі

Какъ маковъ цвъть горять дванчых лица.

Не одна наъ нихъ спрячеть сегодня въ укладку увелокъ съ гостинцами или нитку монистовъ, а то и перстепекъ, купленный милымъ на память.

По стародавнему обычаю, будуть вынче дімушіхи переодівнться раза четыре, а то пять на дию, — чтобы показать себя передъ пріважими гостями: жениховъ понавіхала тьма...

И до того меня все уваскаю, что я забыла про съмячки-пряники: узелокъ такъ не тронутымъ и держала. Какъ-бы не заклебнуться сегодня радостными приливами пъсенъ. Мететъ, летаетъ кругомъ яркоцвътный, ликующій викръ.

Я ношусь отъ карагода къ карагоду, Манутка една за мной поспъваетъ; она канчетъ меня — ей пить хочется, всть, а я не самиу: душа моя настель раскрыта.

Но вотъ у карагода замътила и огромнаго рыжаго мужика и опъ сразу спутнулъ мою радость.

"Орвшка-разбойникъ съ постоялькъ дворовъ" — пронеслось въ головъ.

Молва о немъ ходила дурная: будто выходить онъ на шлякъ въ темныя ночи и грабить запоздалыхъ мужиковъ. Да узивють его по огромному росту, — ужъ какъ не прячь морду. Разъ недялеко отъ постоялыхъ дворовъ, въ ласочка Клюковскій Верхъ, нашли убитаго купца и вса были уварены, что это дало Орашкиныхъ рукъ. Съ той поры въ одиночку мужики въ городъ не аздили, а сбирались обозами. Я съ непутаннымъ любопытствомъ вемотралась въ лицо разбойника, но сегодия онъ совевиъ не стращень, — глаза ясно блестять весельнъ довольствомъ. Въ суконной сърой поддевкъ и въ красной рубакъ, опоясанной зеленымъ широкимъ кушакомъ, рымій дядя вовсе не походилъ на разбойника. А какъ запълъ, украсила пъсия его лицо:

> Раземнялся дробовъ мемчуга, раземнялся, Подомивлся не прасимить денялить, нь парагоду — Понграйте, прасим деня, понграйте, Понутите вы молодуших-молодыя, Пріударате во ладони, пріударате, Раздражите ренициять мень, раздравните, Чтобъ резиняни мены выходили, За собой молодыхъ муньевъ выводили, Понграйте прасим деня, понграйте, Понутите вы молодуших-молодыя. —

И только смолкла его півскя, какъ парня, красуясь передь дівками, подхватили другую, заведя новый танокъ — карагодъ:

Of an ma phunk, on physical, На песочку, на какушку, А на бъловъкомъ самородушку Солевовь косицы въеть, А учина купастов, съран проголестов. А во терем'я, подъ околючкомъ, Павида красуется, в балится, и руменится, И на умиру собирается. И на улицу собирантел, - ну кому она достанотел? Воть доставлен даница она мужу старому, Вее старому — неудалому Неудалой головуший, съдой дливной бородуший, Воть съдал бородица не пускаеть на пгрица. Boxe's as Boards as MO BAMSKO PANEHDEN AYBES, Добрый мододець гулая, Добрый молодець гуляя, онь все свищеть, все гуркая, Ахъ все сыпцеть, все гуркан, червой шляпою щихал.

Червой илипою махан, товарищей изканали Братим мов ребятушки, Щеголье селе Вининкова, Вы сойдите из разку, из Дунай, Вы побейте излички, об вы побейте паличии, — Положите илидочии.

Туть Машутка рашительно дернула меня за рукавъ.
— Кума, домой пойденть...

Да и правда, — пора: ну, пойдемъ.

И вдругъ вижу подъ ногами буманку, не такую, каимми усыпамъ мынче весь выгонъ, а совеймъ другую — веленую.

- Гая и сердце третыхнуло. Три рубля.
- Ну Машутка въ маночев бъявить, покаженъ сколько денегъ нашан...

И бросились им бъжать, что есть духу.

Машутка, вадыхаясь отъ быстраго бъга, говорила:

- Накупные собе нарядове и все одинаково: тебе платье, мие платье, тебе полусапонки мие, тебе полушалку красную, каке у Катюнии Цыганковой и мие. Полупальточки сошьеме суконныя...
 - Сопремъ, отвічню я. Столько денегъ-то.

Когда им пробъткан избу Потапъ Антонича, оттуда донескасъ его любимая пъскя: —

Черево рачку, черево быструю Да лежать доски тонки-клестки...

Ну вначить Потапъ Антонычь подъ кнелькомъ: молодень, та на улицъ воселится, а старые дома гуляють.

И у насъ гостей полно: съйхались тетки, дадья. Мать веутомино подчусть гостей, наопочеть, — раскрасивлась и необычайно ощивлена. Ел непослушная прядь сегодня просто забіяка: то и дело выбивается няв-подъ чепца надъ правой бровью. Ради правдинка, ради дорогихъ гостей, мать выпила рюмку-другую "церковниго", и вотъ, посмъявалеь, потвиналеь, запъла скоморошкую, гульбициую, а всъ подхватили, приплакывая: —

Вы комприки — помаряки мов Комврушки-муники жаленькія Комарушин-нущие малопысы. Всю вочку во лушочку проведи, А нив молодой есоною не дали. Я уснули на варъ, Я на порыки, на бълевъной. На ручкі, на айменькой. Не самивала, не видала инчего, Не саменая, како мой мильй друго принено. Шито-брано приподина», Здравствуй милая, хорошая, скаваль, Здравствуй милая, корошая нов, Хорошо-ла почивала безъ меня? Бать тобя, мой другь, посталь долодия, Оданавцо запрасвало, Подъ перянушку моровъ колоду канесъ, Возголовые потолуло во слезаль, Полго, съ вочера, стопла и въ дводитъ, Тебя, сударь, домидаючи Судьбу пропадивночи. —

 Что-же ты, стова, и объдать не идешь? Примо отъ объдян, да на ухищу, — перебила себя мать.

Но я съ гордостью показала ей три рубля и засыпала ее заказами, какія намъ обновы купить. Мать не разділила нашей радости: можеть біздный какой оброниль. Но гді-жь его искать обронившаго?

 Ну хорошо, куплю, да не такъ много: по платью, переднику, платочку, а теперъ, великіе постивки — объдать. Отобъдали и снова на улицу. Мать дала намъ по десятку янцъ на пряники, но сказала, чтобы я погуляла немного, да в вернулась; нужно гусей на ръчку согнать, а то въ закуткъ они искричались.

— Эти мив гуся хрипучіс. И зачвив такая подлая птица на світь народилась. Другіє на улиців гуляють, а я гусей на річку гони. Воть и правдникь пропаль...

Но перечить я не посмъла, мамочка этого не любила. Да и Машутка объщала мив помочь гусей гнать: вотъ ужъ върная кума.

Какъ не хотвлось съ улицы идти, а вернулись домой, выпустили гусей наъ закутка и погнали подъ гору.

Подъ горой, не боясь что насъ кто увидять, стали им съ Машуткой плисать, подражая Татьянъ и старшинъ сестранъ. Я запъла протяжную:

> Дунай рачка, Дунай быстрая, Бережечин свосить. Рамиолоденькій солдатикь Полкованна просить: Отпусти меня, праковинкь, Изь волку до дому. Радъ-бы я, радъ-бы отпустите, Да ты во скоро будень, Ты випьения воды колодной Про службу забудень...

Пала и и прислушивалась из своему голосу. Мив очень коталось, чтобы походила она на Татьянина.

А съ горы на плотину съвзжаль о ту пору экипанъ, въ которомъ сидван сосваняго помъщика барыня и барышии. Поровнявшись съ нами, онв замахали платками и въ нашу сторону полетвлъ большой кулекъ.

Коляска промчалась, а мы съ Машуткой стали сбирать какъ съ неба упавшіе гостинды: какихъ только сластей не было въ кулькъ. Этоть кулекъ — первый дарь за мою пъсню...

Прощай-же счастливый день моего дітства, спаснбо, что посітиль метя утомленную горестяни чужбины. Кто думаль тогда, что погаснеть моя родина дорогая, что съ голоду умруть мои сестры и братья, что смолкисть пісня привольная.

*

Четыре года такъ быстро пролетвли, что не усивла оглянуться, а мив умъ тринадцать лють. Давно виситъ въ избе на стенке, аъ рамке подъ стекломъ, мой похвальный листь объ окончаніи трехлетняго сельскаго училица.

Много радости доставила эта буманка мониъ родителянъ и намъ всемъ.

Я теперь вспоминаю, что на второй годъ мосго ученія, быль въ Курскі голодъ и мы, младинія, получали продовольствіе въ школів.

Помию, что питали насъ сытно; почасту давали кулешъ съ саломъ, да кашу гречневую. Мы были посчастливъе нашикъ родителей: дома у насъ, этой роскоши по милости неурожал не водилось.

Вспоминаю еще одно событіє, котороє огорчило меня чрезвычайно. Въ школі сиділь со мной рядомъ и всегда быль монить покровителемъ Миша Ковурька, румяный мальчикъ, ненамізнный сопутникъ машихъ забавъ. Ковурька быль умняга и добрякъ. Во время каннкуль играль онъ съ товарищемъ на краю деревни, въ оврагі. Вся деревня добывала въ оврагі глину для своихъ ковяйственнямую надобностей, тамъ образовалась глубокая пещера и туда залазили мальчики играть.

Вдругъ случился обваль и похорониль заживо моего друга Козурьку. Другому мальчику удалось спастись. Это было въ полдень, когда люди на отдыхв и село вимираеть. Но воть огласилась улица криками мальчика: — "Помогите, помогите"... Помуда собрались, покуда откопали, Миша быль уже мертвъ. Вся деревия стояла въ слевать, когда посинвациято несли его на попонв домой. Его мачиха, молодая красавица, любившая больше Ковурьку, чвиъ своихъ датей, все падала, изиемогая отъ тажкаго и не-шданнаго горя.

А хороннам Мишу тормественно: мы, его школьные друзья, несан Мишинъ гробъ на полотенцать, до погоста. Деревня рішила, что въ гибели Козурьки замішана нечистая сила. Давыдовна, живитая въ крайней избів, у оврага, разсказывала, что за часъ, какъ ребяткамъ придти, виділа она — выскочилъ маъ оврага полдневной бізсъ съ рожками съ хвостикомъ в нетерибливо забігалъ по овражаюму краю, а самъ ну бормотать:

— Есть чась, да никого ивть, есть чась, да никого ивть...

Вотъ и случилась бъда, что не видъл Давыдовна, имкъ мальчики пришли, а то-бы игъ упредила.

Я тогда этому върнаа и болась отлучиться въ полдень изъ дому, особенно въ авсъ: а вдругъ выскочить бъсъ полуденный.

Помию, что все то лівто я часто ходила на "поденку", зарабатывать деньги на наряды. Работала наравив со всіми.

Мое желаніе попасть въ хоръ и півть на клиросів не исполнилось: въ хору півли только мальчики.

А мысль уйти въ монастырь не похидала меня, котя и не мъщала мив быть первой среди подраставшихъ

игрукъ и паясукъ. Даме мать, сама любившая попътьпопаясать, иногда говоривала:

— Да уймись ты, угомону на тебя изть. Вась съ Якушкой женить, воть бы пара была.

ŵ

Семпадцатое сентября, день моего рожденія и ангела. Мать по обычаю спекла пирогь сь кашей, меня тянули ва уши — чтобы больше росла, — а имянинный пирогь сломили на моей головь. Приходили меня поздравлять тетки, дядья, и шутили, что воть я и невізста.

Мать квалилась, что на палатекъ, гдв лежатъ подушки и попоны — приданое старшимъ сестрамъ, — приготовлено и мое приданое: десять попонъ, покрывало, — все сдълано изъ своей волны:

— Шесть подушекъ Дежкв отложила, она въдь гусей-то стерегла больше всекъ.

Этотъ день имянинь я потому помию, что тогда поквариваль отець: залёзь на печку и жаловался, что, моль, удушье одолёло. Мать въ такихъ случаяхъ всегда была лекаремъ. У ная на чердакъ сущились разныя травы, которыхъ она собирала въ мав множество. Травами она выхаживала насъ всёкъ ото всякитъ бользией. Она и теперь поставила отцу припарки и напонла его веъробоемъ.

Вскор'й отець оправился и сталь выходить. Я его помню въ тъ дни: въ тулупъ, высокій, худой, тщательно подпоясанный, ходиль отецъ и осматриваль конопли. Была уже выбрана конопли в поставлена въ коалы для сушки на огородъ. Онъ пробоваль коноплю на ладонь, — не пора ли в молотить.

Черевъ три дил онъ повхаль на мельницу, верстъ за восемь отъ насъ. Выбхаль отецъ здоровъ, только покапіливаль. Минулъ денъ — отда вътъ; обезпокоенныя, мы поръшили, что на мельницъ завозъ и что очередь до него не дошла.

Но воть къ вечеру показалась повозка: отець возвращается. Всъ замътили, что онъ блъдекъ, голова опущена и еле держить возжи въ рукахъ. Лошадь, будто чул что ховлинъ боленъ, тоже шла еле-еле, понуря голову. Отецъ сказалъ, что ему изтъ мочи и не сталъ отпрягать коня, а отдалъ брату Николаю.

Мать уложила больного: отець горвль. На разспросы что съ нимъ, отецъ отвътиль, что все было хорошо, быль онъ вдоровъ, яа мельницъ случился большой вавозъ в ему пришлось у мельника стать на ночлеть, а ночью пить захотвлось, онъ и пошель къ ручью. да, не перекрестясь, наклонкой и напился.

 Вотъ видишь, мать, наказаль Господь. Человъкъ, какъ скотина, наклонкой и безъ креста пить не долженъ.

Но намъ было понятно, что отедъ застудилъ холодной водой и безъ того не очень здоровыя легкія и что у него горячка.

На третьи сутки, въ ночь, у насъ поднядаєь суматоха. Меня разбудиль плачь сестеръ. Со сна и не могла понять, что происходить, и воть очнулась и увидьла сестерь, брата и мать, стоящую надъ отцомъ, со свъчою въ рукв.

Отецъ, слабвя, благословаяль всвять. Меня онъ благословиль последней. Глава его были мутны, онъ еле шевелиль запеклыми оть жара губами. Немного тяжелыкь вадоковъ, которыхъ я никогда не забуду, — и отца не стало...

Горе наше, горе... Мать убивалась. Помию какъ причитывала она, обнимая гробъ, обливая его слемии.

Я отъ потрясенія занемогла, а когда встала, съ постели, точно выросла літь на пять. Улетіля веселость моя. Я притикла.

Отда похороннам, минуло мало дней, какъ стала и просить мать отвезти меня въ монастырь. Мать не не возращала. И я помню ея слова: — "Видно ужъ Господь Богъ направилъ Дежку на путь праведный, истинный".

Отвезла меня мать въ Дъвичій монастырь и отдала подъ ваботливую руку техъ старушекъ монахинь, у которыхъ мы ночевали четыре года навадъ.

Старшая матущиа Милетина уже сорокь авть была монастыркой, а мать Конкордія свыше двадцати. Тяжельно трудомь онів сколотили себів крошечныя сбереженія и выстронли келію въ четыре покоя: монахини живуть адівсь на свои средства, это не общежительный монастырь, всів работають сами для себи и каждая по своимь способностямь иміветь достатки; только ужь очень престарівлыя живуть на счеть монастырскій. Мий средства къ жизни доставляли изъ дому.

Чтобы постричься въ монахини нужно промить въ монастыръ не меньше трекъ лѣтъ, неся послушаніе, а потомъ сдалать вкладъ въ триста рублей. Тогда одавали въ черную одежду и свершали постригъ въ монашескій чинъ. Но многія давушки несли послушаніе и
кодили въ цватньогъ платьякъ по четыре и пяти латъ,
не нивя для вклада трексотъ рублей. У монкъ старушенъ
была нелейница Поли. Она уже шесть латъ въ монастыръ,
а все ходитъ въ цватномъ: вклада не вноситъ. А накъ
ей внести, когда она, бъдная, нъ рукодалію не способна,
ваработать не въ силакъ, а сама сирота. Жила она у

старушенъ, работала черную работу и такъ при никъ и кормилась. Часто видъла я у Поли заплаканные глаза: желилось' ей черного плалья да пострига, обительскихъ узъ навъки.

Тронцкій монастырь, куда меня привезли, въ городъ Курсків, на Сергіевской улиців. Туть же базарь, трактиры, торговая суста. Въ базарное время и за высокія стіны долетаеть уличный гуль в гамъ.

А въ ствиахъ обители разлита благостная тишина. Проходятъ, какъ черныя твии, монахиви. Неугасиман лампада мерцаетъ въ правомъ крылъ нижияго храма, въ часовиъ. Тамъ у аналоя, день и ночь дежурная монахиня читаетъ исалтырь, тамъ неустанна молитва къ Престолу Господно объ упокоеніи усопшихъ.

Тоскуя по отду я часто забъгала въ часовню ставить заупокойныя свъчи.

Идѣ же праведніе упоколются — модилась я.
 Вѣдь модиться за упокой его душеньки и отпросилась и въ монастырь...

На разельть, часовь вы шесть утра, какъ только пройдеть колотушка, и быстро вставала, умывалась, важитала лампады и убирала до пылинки большую келію, куда вскорв выходила и матушка Милетина. Она благославляла меня и спышила во храмъ. Конкордія уходила за нею. Она была "поводырка" и по седмицамъ служила при матушкъ жуменіи.

Звеняще и глуко ударяль колоколь и съ первынъ благовъстомъ, я тоже спъшнав на молитву.

Наше місто молодых в послушниць было при вході во храмь, съ лівой стороны. Подлі, за різпеткой, тоже сліва, виднізлось множество остроконечных черных вовявокъ молодых монахинь. А съ правой стороны было місто монахинь скуфейных в туть-же, апереди, стояло хресло матушки игуменін. Когда мы выходили попарно прикладываться ко кресту, то повертывались къ матушив игуменьв лицомъ и кланялись ей иняко, касаясь рукою вемли.

Вев монястырскіе уставы правились мив. Казалось, что въ обители свято все и что грашному міста туть изта.

Такъ минулъ годъ и другой. Моя покровительницыстарушки уже поговарявали одвть меня въ черныя одежды, чтобы я могла пъть на клиросъ.

Мив тогда шель шестнадцатый... И зачемь я выросла, лучше-бы такъ и остаться мив маленькой Дежкой, чемь узнать, что в туть, за высокой ствной, среди тихой молитвы, коношится темный грехь, укутанный, спрятанный. Лукава ты жизнь, бъсь полуденный...

А можеть оттого больно главаста я стала и душа забунтовала, что судьба звала меня въ даль иную...

.

Помню, водходила Паска. Меня посылали въ городъ продавать писанки и вербочки съ яркими цавтиками. Помню еще, что мои наставищы словно примътили мое тогдашнее смятеніе.

— Что ты паучокъ попритиль?

Но я молчала. Огорчило-бы монть милыхъ старушекъ, нарушило бы ихъ святой покой, улнай онъ, что паучекъ задумалъ выбираться наъ монастыря.

Въ тв годы, на пасхальную недвлю постоянно пріважала въ Курскъ бродячая труппа — больной циркъ. Огромный балаганъ раскидывали на Георгієвской площади. А къ балагану жались равных чудеса: пакоптикумъ, панорама, показывающая войну, кораблекрушенія и прочія происшествія. Тутъ-же звірниець, тутъ-же перекидныя, круглыя качели. Посмотрать — погулять стекались сюда не только куряне, но в сосадніе слобожане — иза Ямской, иза Стралицкой.

На Пасхальной, помию, недвав отпустили меня изъмонастыря въ гости, къ сестрв Дуняшв, которая служила тогда въ красильнъ. Я еще ни разу не была на Георгіевской площади и упросила сестру пойти на гулянье.

Сестра катала меня на каруссли, водила въ завринецъ. Звонокъ зазываль публику въ циркъ. На подмосткахъ бъгаль клоунъ съ колокольчикомъ и хриплымъ голосомъ уговариваль публику скоръй брать билеты, а то не успъютъ. Изъ балагана вышла дъвочка лъть двънадцати, въ красномъ костюмъ. Она была на удивленіе какъ хороша. Вышли еще на подмостки бояринъ и боярыня въ яркихъ блестящихъ нарядахъ.

Мы решили пойти въ балаганъ — гулять, такъ гулять. "Потомъ стыдно матушке въ глава смотреть будстъ" по-думала я, но что-то влекло меня въ балаганъ.

Купили бидеты, свли на скамын. Сначала вышель доръ бояръ, пвли, да танцевали. За нимъ выскочила та двеочка въ красномъ платънцъ. Она быстро бъгала по проволокъ, вертъласъ.

"Такъ куныркаться и я бы, помалуй, могла, учеба только нужна", думала я не отрывая вагляда отъ акробатки. Смъщиль еще клоунъ, потомъ вышелъ хоколъ со скляницей горилки въ рукъ, запълъ: "кумочки-голубочки, адоровеньки булы". Публика покатывалась со смъху. И правда, былъ онъ потъщный. А тутъ вылетьла на съромъ конъ наъздинца, ловкая, быстрая. "Хотъ и гръщно такой голой при народъ на конъ прыгатъ", думала я. "А такъ я тоже могла-бы. Ужъ если всюду гръхъ, и въ міру в въ обятели — ужъ лучше на міру житъ".

И порвишла я разомъ: "Уйду въ балаганъ и стану акробаткой".

Когда мы вышан на площадь, я тотчась-же сказала сестръ, что хочу стать акробаткой. Дуняша приказала, чтобы я не молола вадору.

Ночевала я у сестры. Всю ночь видълись мив краслая дівочка и навадница на сіромъ конів. Я представляла себя на икъ мізстів и всю ночь горівла отъ моихъ мыслей пойти вавтра къ директору балагана и проситься въ его театръ.

На утро и такъ и сдвлала.

Когда пришла я туда, балаганный директоръ дрессироваль лошадей. Сердце стучало, едва съужвла я пролепетать мою просьбу. А директоръ, къ моему удивлению, сраву же согласился принять меня, хотя бы сейчасъ. Онъ даже не спросиль о родителяхъ, откуда я ваялась вообще. За руку онъ подвель меня къ вчерашней красной дъвочкъ, которая оказалась его дочерью. Тутъ-же былъ и клоунъ, и его жена-навздница. Сегодия она не выглидъла такъ красиво, какъ вчера верхомъ на конъ. А дъвочку ввали Леля. Она повела меня на квартиру, въ номера, которые были противъ балагана.

Въ номерахъ, какъ видно, жили артисты. Бъгали пеопрятные дътишки директора и клоуна. Пахло керосиномъ и колбасой съ чеснокомъ. Леля указала мив комнату, сказавъ, что тугъ живетъ она со старшей сестрой, и если я приду въ балаганъ, то тоже буду жить съ ними.

Сестры не было дома, когда связала я въ узелокъ мои вещи и ушла, никъмъ не замъчениял на площадь. Въ номерахъ я застала Лелю, она готовилась идти въ циркъ на представленіе. Жена директора, тощая и имурая менщина, угощая меня часмъ, освъдомаллась, откуда

я родомъ да сколько мий лить, а подъ конець сказала, что завтра утромъ всю труппу будеть снимать фотографъ и что для меня приготовленъ голубой костюмъ, только и должна его осмотръть и приладить.

Странная тоска сжала мив сердцв, когда въ этой чужой комнатв примвряла я голубой, весь въ блесткахъ, нарядъ. Еще вчера и не думала, что уйду отъ сестры, не сказавъ никому, куда иду и зачъмъ. И что подумаютъ мои старушки-монахики. А, мамочка? П думать не кочу, такъ мив стращно...

Отин, яркіе уборы, музыка, гуль толпы, я разсівлась въ циркі, но спалось мий у Лели плохо. А утромъ послі чая веліли мий надіваться и идти въ театръ, гді мдаль нась фотографь. Среди цирковой труппы я стояля въ болрскомъ костюмі. Дорого бы я дала, чтобы ваглянуть теперь на этоть портреть.

Боярское голубое платье я приладила на себя корошо, но директоръ приказаль мив персодаться въ короткую юбочку для занятій.

Леля уже управинялась на проволокі, а для меня положили на поль толстый канать и дали вь руки длинную палку, надо полагать для баланса. А когда и научусь на полу ходить по канату, его натинуть немного повыше и такь и привыкну разгуливать по канату, а тамъ и на проволокі. Привнаться, и вто мий иравилось неменьше боярскихь костюмовь.

И номню было это на другой же день. После репетицій села я отдохнуть на скамейку для врителей, а ко мив подошель клоуив. Отв него пахло виномь. Подсель онь ко мив и сталь говорить любезности, вовсе не подходящія для женатаго человека. Отв выпившаго клоуна я уб'яжала въ комнату Лели. Прималась въ уголь, у окна, оть страха дрожу. Вдругь слышу спрацивають

внизу Надежду Винникову. Кто-бы могь быть, микто не знаеть гдв я. А дверь уже растворилась и на порогв стоить моя мать растерянная, заплаканная.

— Такъ воть ты гдв!

Не испутай меня клоунь я бы такь не обрадовалась, а теперь ей не пришлось долго уговаривать меня идти домой. Она упрекала директора, что тоть береть давченокъ безъ спроса родителей, а я сбирала молчкомъ свой узелокъ. Послушно вышла за матерью изъ цирка. Она шлакала:

— И за что наказаль меня Господь? Терпъть такой срамь. Лучше бы прибраль тебя Богь. Ищь что вздумала: изъ святой обители, да въ арфянки. Что тебя лукавый, что-ли, осътоваль?..

Мять — я тихонько отстала отъ нее, нырнула въ ворота. А она думала Девка за нею идетъ и размахивала руками, и все упрекала. Я выглянула. Мать ила сгорбившись, убитая, жалкая. голова дрожитъ. И заглотала я горькія слезы. "Да, что же я ділаю съ мамочкой, милой моей испаглядной". Побімала, обияла ее, и въ слевакъ обінцала ізтать въ деревню, домой, куда хочетъ, только въ монастырь не вернусь. — "Но, мамочка будь спокойна, я Бога не потеряла. Богъ кріпокъ въ моей душів".

Мы утихан. Мать, утерень слевы, стала разсказывать какъ меня отыскали. Дуня, хватившись, пошла въ монастырь, а тамъ меня изтъ. Заволновалася Дуня и вхавшему въ село Винниково Афанасію наказала, чтобы мать обявательно завтря-же была въ городъ. Мать — въ Курскъ,
и узнавши тутъ, что Дежка пропала, заголосила. Да сестръ кто-то сказалъ, что видъли Дежку у балагановъ.
Мать — туда, расправивая всъхъ о дъвочкъ Надеждъ.

Тотъ выпившій клоунь сй и указаль, что кашется такая туть есть...

Забилась я у сестры въ уголъ и планала отъ стыда. Теперь мать меня успоканвала:

— Не плачь, Дежка, воть поживемь въ деревић до поля, а тамъ тетка Аксинья вдеть въ Кіевъ на богомолье, я тебя съ ней отправлю, поклонишься святымъ угодинкамъ, въ пещеракъ побываемь, а за одно и у сестры Настеньки. Она уже три мъсяца въ Кіевъ, ея мужа туда въ солдаты утнали.

Аухава ты вкинь, біст полуденный... Туть-же въ горячей моей головіз пронеслось: "Воть корошо — въ Кієвь. Тамъ вірно тоже есть балаганы — уйду въ балаганъ"...

ė

Въ тъ годы, въ Курскъ, рядонъ съ монастыремъ, на Сергіевской улядъ, стоялъ большой особнякъ милліонера куппа Гладкова.

У Гладкова жила въ вкономкахъ Ксенія Ивановна, старая діва, скромная, тихая. Я часто видала ее въ монастырі. Она была хороша съ моей матерыю. При встрічть съ Ксеніей Ивановной мать со слевами равскавала щ про мон проділжи и жаловалась, что я отбилась отъ рукъ и такая стала "настырная, что даже — прости Господи Дежкины прогрішенія — въ ахтерки сбіжала". Ксенія Ивановна рішила горю помочь и сказала, чтобы меня привели къ ней. Я перечить не стала, чтобы еще больше не огорчать мать, хотя хотівлось мить домой, нъ деревню, а не въ услуженіе.

Въ домъ милліонера челяди много: три горничныхъ, лакей, повара, кучера, прачки. Меня приставали къ ковяйской дочери Наденькъ, барышнъ монкъ лътъ. Была также при барыший біздная родственница Варинька, намъ ровестинца, большая гордячка. У Вариньки важности было больше, чізмъ у самой барышии.

А Наденька, тезка моя, черноглавая, на видъ двътундая дъвущка, но въ домъ всъ дромали надъ ней, считая почему-то за хворую. Въ отличіе отъ барышни, меня въ домъ ввали Надеждой.

Домъ важный, богатый, но я скоро привыкла. Пошилая хозяйка, полная купчиха, была со мной ласкова, и только старшая дочь Маня, хромая, всла себя надменно и сухо. Слуги ее не любили. Наденька, та бывало прикаметь подать экипажъ и вдеть по бъднякамъ пособія раздавать, а Марія никогда.

Самъ хозяннъ дома, Николай Васильскить Гладковъ, высокій и грузный купчина, человінь быль не плокой, но имівль привычку досадную: какъ ни пройдеть мимо, обязательно ущиннеть. Я первый равъ вблизи видівла такого важнаго барина в думала:

— Баринъ, а инплетси, неумели всв оки таковы?

А на людской, куда я ходила объдать, какихъ бывало розсказней не наслышищься. Узнала я на людской, что какъ померъ старый Гладковъ, дъдъ Николая Васильевича, вырыли покойника изъ могилы и ночью приставили его пышкый гробъ къ воротамъ, а вырыли его будто за то, что ворочая милліонами, быль онъ жаденъ я не помогаль никому. Объ втомъ вапрещалось говорить въ домъ. Услышала я такую исторію и зъ сумерки стала бояться смотрѣть на ворота, гдѣ стояль подброшенный дъдъ-милліонщикъ...

Автомъ, Гладковы вывхван на дачу, въ имвніе, и тамъ, купалсь въ ръкв, я простудилась: у меня заболівло горло. Въ дом'в испугалнеь дифтерита и отправили меня въ Курскъ, въ больницу, гд'в я черевъ нед'влю поправилась, но къ Гладковымъ уже не вернулась, а покатила въ деревию. Моему прітаду мать была рада-радсконька. Дуничка служила въ город'в, Настенька вышла замужъ и жила въ Кієв'в, брать Николай все дии въ пол'в, только Матна дома.

 — А туть Богь даль, ты прівлала — поживи, порадуйся світу Божьему — гозорила мий мать при встрічів.

Мои Винниковскія подруги уже мелістились, держали себя какъ вврослыя и ходили въ карагодахъ при старшихъ.

Помяю, какъ-то вечеркомъ, когда я сидъла съ матерью подъ березой у нашей набы, подошель къ намъ высокій человікъ. Присмотрівшись, я узнала въ немъ Сергія Егорыча. Быль онъ изъ разорившихся помівщиковъ, опустился, и сталь чімь-то среднимъ "не баринъ, не мужикъ". На деревні онъ славился своей брехней, такъ его и звали: Плетень.

— Ну пошель плетии плесть.

Сергви Егорычь быль человькъ молодой, тихій и въжливый; игряль хородо на гармоніи и инкогда никто не видаль его пьянымъ.

Онъ ступиль къ намъ, мать чего-то смутилась, а Плетень пошель плесть Богь его явдаеть небылицы какія, и Надеждой Васильевной меня называль, и просиль погулять съ нимъ на выгонъ.

"Воть тебв здравствуйте, съ чего вдругь я стала Надеждой Васильевной", посмвивалась я про себя. "И почему мать такь смутилась"? Сергви Егорычь вскорв ушель и тогда оказалось, что это онь приходиль свататься и что мать, напуганная монми продвлжами была готова отдать меня за Плетия замужь. Мать засмущалась, заговорила, что Ягорычъ человъкъ неплохой и женищекъ — чести приписать. Я пожелала, чтобы сама Акулина Фроловна пошла за Плетня замужъ, а я не пойду: на отръвъ отказала.

Средь мильить подругъ, средь свътлаго простора, быстро бъщали дня. Акъ эти пъсни по заръ, переливы гармоніи, доносящіеся изъ лъса, молодос приволье, молодой просторъ...

Вскоръ шенился брать Николай, — подходила мнитва и въ домъ была 'нумна работница. А въ концъ поля тетка Аксинья сказала матери, что ъдеть въ Кієвъ и меня, какъ объщала, возъметь. Мать уже было равдумала отпускать, но и упросила.

Въ головъ неотступно стояло — "балаганъ". Другихъто театровъ я и не виала. Наканувъ отъъзда, мать всю ночь сидъла у моей постели и тико плакала, сказывая мив напутствіе:

— Ты молода, Дежка, несмышлена. Пуще всего на свъть бойся ребять. Они изверги лукавые, и обмануть дввушку, обвести, — это у нить, разбойниковъ за милую душу. А какъ посмъется надъ дъвушкой, такъ и бросить, — она туть и гибнеть. Бойся, не попадайся имъ въ лапы, а то и глазки твои потускивноть и голосокъ пропадеть...

■ слушала молча, не распрашивая почему всѣ ребята такіе страшные; прижавшись къ матери я засиула и какія еще страсти сулила она миѣ отъ ребять, уже не слыхала.

Со станція Винняково, что теперь Орвшно, впервые я пустилась въ долгое путешествіе. Повадъ тронулся, мать заплакала. Я бодрилась, но недолго. Замелькали знакомыя избы, показался надъ высокими тополями зеленый куполь колокольни, сверкнуль золотой кресть, пропламли вытрешки на выгонъ и отошло въ свътлую даль родное село.

8

Мы съ теткой Аксиньей расположнансь въ вагонъ третьяго класса, вакуснан.

Тетка уснула, а ко мив подсван какіс-то щеголи въ суконныхъ парахъ, всячески предо мною разсыпалсь. Тутъ я вспомияла слова матери и рвшивъ, что это в есть тв ребята, которымъ бойся въ лапы попасться — разбудила на всякій случай тетку: пусть сама съ ними бесвдуетъ. Можетъ эти ребята и были хорощими людьми, да инв не хотвлось, чтобы "главки мон потускивля и голосъ пропалъ"....

Кієвъ, Кієвъ, городъ огромямій. Какъ мы вышли съ воквала, тетка меня все время смішнла: идемъ по городу, она видить у шляпнаго магазина вывіску въ видіогромнаго цилиндра, туть же станеть какъ вкопанная и удивленно разводить руками.

— Неужели такія головы есть?

Дивилась тоже тегка большущей галошт у обувнаго магазина на Проръзной улицъ и заявила миъ, что если продають такія шляпы и галоши вначить въ Кієвъ живуть великаны.

Моя сестра Настенька была намъ рада. У сестры росла уже дочка Нюся.

Цалыми диями мы съ теткой ходили осматривать Кісвъ, бывали въ Лавра, молились святымъ угодинкамъ и поздно возвращались домой.

Недван черевъ двв тетка Аксинья отбыла, а я оста-

Черевъ домъ отъ квартиры сестры помъщалась большая прачещная, а холяйкой тамъ была полная съдал женщина. При мей жила племянища Надя, моя однолатка. Глаза у Нади были, какъ у японки. Вскора мы познакомились и я стала съ нею дружна. Надя, щуря японскіе глаза, не разъ хвасталась, что у нея есть внакомые студенты и артисты наъ сада "Аркадія" и что если я захочу, мы можемъ вечеромъ пойти въ садъ, а билеты намъ достанетъ артистъ Волощенко.

Пойти въ садъ, гдъ музыка, — вотъ чудеса, я просто стала преклоняться предъ Надей. Еще-бы, такія внакомства: студенты, артисты.

Наконецъ, день желанный насталь и нь обществъ студентовъ мы отправились въ садъ "Аркадія". Разноцвътныя гирлянды фонариковъ укращали входъ и аллею сада, гремълъ военный оркестръ, сновала нарядная толпа и кажется одна только я была въ косынкъ, а всъ въ шляпкахъ. Это меня немного смущало.

На открытой сценв, когда вавился закаввев, и увидвля тридцать дамы въ черныхъ стротикъ платьяхъ съ бвлыми воротниками. Дамы стояли полукругомъ, всв онв показались мив красавицами, — какія прически, какой цавть лица. И вдругь раздался ликой маршъ:

— Шлеть замъ привічь
Красотокъ нашъ букеть,
Собрались им сюда
Пропіть вамъ господа,
Но не осудите.
Просинъ синсходить,
А впроченъ, можетъ быть,
Сумбенъ угодить.
Безнаботное веселье, господа,
Вотъ нь чемъ заключается мезъъ заща вся.
Гді играють, пьють,
Насъ всегда найденъ ты,
Тутъ, накъ — тутъ.

Наих грусть-тоска — все их почень, Мы веселимся и почень, Упрекъ людской — лишь звукъ пустой, Довольны им своей судьбой.

Волощенко, астрытившій насъ еще у входа съ бялетами, теперь спросиль нравится ли намъ коръ. Онъ скаваль, что если мы захотниъ, то можемъ въ коръ поступить. "Еще бы не правиться, еще бы не хотыть, да вто лучше балагана", думала я. Тутъ-же въ саду мы и ръшили не откладывать въ долгій ящикъ: Волощенко завтра придеть за нами и поведеть къ хозяйкъ кора внакомиться.

Хозяйка хора, Александра Владиміровна Анпкина, высокая, съ гордой осанкой, гладко причесанная, безъ всякихъ румянъ в бълилъ, мив очень понравилась. Въ квартиръ ся было уютно, по семейному: встрътила насъчистая старушка въ бъломъ чепцъ — мать Александры Владиміровны, бъгала маленькая дъвочка, ся племянница, у образа горъла лампада. Александра Владиміровна понравилась намъ, мы понравилнеь ей. Мы условились завтра придти за авансомъ, заказать себъ форму — черное и бълое платье, а также попробовать голоса.

Мы съ Надей были въ восторгв и безъ долгихъ словъ решили тихонько удрать — я отъ сестры, Нади отъ тетки.

Александов Владиміровив мы, конечно, не сказали, что отъ родныхъ уходимъ тайкомъ: боялись что не возъметь.

На другой день въ вижнемъ залѣ "Аркадін" происходила моя первая репетиція, за півнино сидѣлъ Левъ Борисовичъ Лилкинъ, а вокругъ него стоялъ хоръ. Помнитея, разучивали "маршъ-пророкъ": Когда мы вошли, Левъ Борисовичъ сиазалъ:

- А ну, двъ Надежды, покажите какіе у васъ голоса.
 Миъ было стыдно: всъ разглядывали насъ. Липкинъ далъ аккордъ, я взяла дрожащимъ голосомъ ноту.
 - Сывльй, сывлый!

Я ваяла сивло.

— Ого, хорошо.

Въ уголив сидвля дама въ черномъ платъв. Анпиняъ полваль се:

--- А му, Люба, спой свое соло, пусть Надя послушаеть, она можеть пать съ тобой контральтовую партію въ пророкв.

Люба откащаялась.

Ангель Хранитель, укажи мив списение — вдругь рванула она — Мой похровитель дай утвшение. Сердце уныло въ горькомъ томлении, кровь вся вастыла отъ упоекія...

Она фальшивили; но у нея быль не голось, а голосище, я даже оторопъда. А Липкинъ разсердился:

 Фальшь, фальшь. Ну, дубъ ты этакій, повтори еще, а ты, Надежда, слушай, вапоминай.

Аюба пропала снова. Миа дали написанныя слова, а мотивъ я легко запомнила и, къ большому удовольствію Льва Борксовича, пропала соло бело ощибки.

 Вотъ и прекрасно — радовался онъ — теперь Люба не собъется.

А у Нади съ глазами ипонки голоса не оказалось.

На сценъ репетировали какіе-то танцы и насъ послали туда, къ руководительницъ. Ее также звали Надежда, по фамилія Астродамцева. Скромно одътал, блъдная женщина, встрътила насъ словами:

 Ну, тезин, покажите ваши таланты. Вотъ — ты, станцуй гопака, — обратилась она къ Надъ.

Та протавцовала, ее одобрили. Настала моя очередь. — Сдізлай такъ, сказала Астродамцева и показала мив "па".

Я пробовала, но вышло что-то плохо: смутиль меня попакь". У нась въ деревив эта фигура называется — "черевъ ножку" и дввушки у насъ никогда такъ не прытають, онв танцують плавно, а прыгають черевъ ножку только парни. Но меня заставляли пробовать кменио "черевъ ножку", которая туть называлась "па-де-басъ".

Астродамцева покрикивала, чтобы я не держала рукъ передъ носомъ, а отбрасывала ихъ широко по сторонамъ. "Ну хорошо", подумала я, "отбрасывать — такъ отбрасывать" и такъ размахнулась вправо, влево, что кругомъ засмъялись, а Астродамцева отскочила:

 Ну, ты, деревия, чуть мив зубы не вышибла... Но толкъ наъ тебя, вижу, выйдетъ.

Въ коръ я была причита. Намъ положили восемиа-

А что делалось после нашего бытства дома, мы не знали, да и не думали: насъ захватила новивна.

Въ кору всё півщы были женатыми, и ділился коръ на семейныхъ, на ученицъ и користокъ, и на дамъ, распологавшихъ собой, какъ имъ заблагоразсудится. Семейные выносили всю тяжесть программы. Это были потомственные и почетные труженики острады, они выступали по нівсколько разъ въ вечеръ, такъ какъ нашъ директоръ Линкинъ долженъ былъ давать въ "Аркадін" программу въ 12—15 нумеровъ. Ученицъ въ кору было шесть, всё подростки, въ ихъ числів и я. Насъ обучали для капеллы и держали въ смовыхъ рукавицахъ: дівченокъ никуда не пускали самостоятельно по городу. Послів программы

кормили насъ ужиномъ и гиали спать, коти, правда, программа кончалась въ два часа мочи, но по ресторанному вто рано.

Въ первый разъ надъла я черное платье и въ модной прическъ вышла съ хоромъ на сцену, когда пъла съ Любой "соло-пророкъ". Волменіе мое было велико. Я столяв справа, первой, и боялась, какъ-бы мив отъ волненія не свалиться въ оркестръ. Въ головъ шумъ, авонъ — улъ какое тутъ соло, даже не помню, когда мив выступать: вся надежда на Любу. Тутъ меня ободрилъ выразительный ваглядъ Льва Борисовича, и поняла, что вступать скоро. Тутъ-же случилось чудо: Люба вступила во время, я ва ней. Левъ Борисовичъ улыбался наъ-за піанино; ну, значитъ, ничего. Дъйствительно, мой первый дебютъ со- шелъ, слава Богу, хорошо...

Вскор'в посл'в дебюта я увнала отъ Александры Владиміровны непріятную вовость: труппа адеть на дв'в недіали въ Курскъ, а оттуда въ Царицынъ на Волгу.

Опеломленная навъстіємъ, я призналась Липкиной, что наъ дому удрала, и что въ Курскъ вкать боюсь, а разстаться съ труппой, къ которой уже попривыкла, мив жаль. Что туть дълать? Съ милой подругой Надей у насъ быль совъть, на которомъ мы поръщили, что мив въ Курскъ вкать, но на улицъ не показываться до самаго отъвада въ Царицынъ.

Знаю, я поступная съ родными местоко, не написала имъ о себъ. Сама въ дупів я страдала, но боллась написать, что-бы меня не искали.

Съ какой тревогой я садилась въ поводъ, который увозилъ нашъ хоръ въ Курскъ. Помию среди ночи, въ вагонъ, я проснулась. Поводъ стоялъ. Издали наплывалъ баркатный авонъ и я сразу узнала родные колокола: мы прівхали въ Курскъ въ три часа, на разсвіть, когда тамъ къ ранней гудять колокола. Побівжать-бы по полямъ, черевъ лівсокъ, мимо деревенскаго храма, прямо въ нашу язбу, гді еще отдыхасть отъ трудовъ своихъ мать, обнять-бы родную, шепнуть "мама я здівсь" и ваглянуть въ знакомые уголки и помолиться у креста, на отцовой могилів.

Рано утромъ им персыявали черезъ городъ въ "Европейскую гостиницу" и по дорогъ я вспомвила, что моя сестра Дуня обвывала эту гостиницу "непристойнымъ мъстомъ". Какъ то равъ, когда я была еще въ монастыръ, шли мы съ Дуней по главной улицъ я встрътили двухъ дамъ очень ярко и нарядно одътыхъ. На мой вопросъ, кто онъ, сестра съ превръніемъ отвътила, что это арфяяки изъ "Европейской гостиницы" и даже плюнула.

Понятно, какъ велико было мое опасеніе, чтобы кто не увиділь, какъ я буду входить въ "непристойное місто".

Но перевадъ прошелъ благополучно. Размветили насъ ученицъ, въ большой комнать, а ридомъ устроились семейства артистовъ и сами довнева хора. Болве шумный народъ поселился отъ насъ далеко, въ другомъ концв корридора.

Я кром'в репетицій — никуда, а надъ голосомъ работала усердно. Уже ми'в пророчили, что изъ меня выйдеть хорония капедлистка.

Но ненадолго хватило теривнія отбывать добровольный аресть и сидіть безвыходно дома. Какъ преступника тяпеть къ місту преступленія, такъ и меня тянуло погулять по Московской улиців, да заглянуть въ монастырскій дворь, откуда когда-то удраль Паучокъ.

По мудрымъ совътамъ подружки Нади, я надъла для этой прогулки шляпку съ большими полями и густую вуаль, одолживъ и то и другое у нашихъ пъвицъ. Когда я такъ нарядилась в посмотръла въ веркало, то собой осталась довольна: увнать меня трудно, я сама не узнала въ веркалъ Дежку. Шляпу в надъла впервые и она особенно мъняла мое лицо.

Такъ мы вышли съ Надей наъ гостиницы и поднялись на гору, къ Московской улиць. Никто наъ знакомыть не встрътился намъ по пути. Пауки на вуплъкъ мъщали мяъ смотръть и я, не привыкшая къ такому жестокому укра-шенію, откинуля вуплъ съ лица. Съ волненісмъ миновали мы домъ, гдъ живетъ сестра. Все благополучно.

Но когда повернули обратно, вдругъ вижу, изъ воротъ выбъжала сестра Дуни въ большомъ платив. Повидниому куда-то сившила.

Мы повстръчались.

Мелькомъ взглянувъ на меня, близко, слегка задъвъ локтемъ, прошла она. И вотъ, словно что вспомнивъ, повернула, забъявла впередъ, заглявула миъ подъ шляпку и поблъдиъла.

А-а, барышия, пожалуйтс-ка домой.

Схватила меня за руку, повела за собой. Я растерялась, сестра Дунечка дрожала, она думала, что ведеть за собой погибиес созданіе въ шлянкі. Я понимала, какъ мив будеть трудно убъдить сестру, что вовсе не такая я скверная и что хотя "Европейская гостиница" місто не очень пристойное, но все же и тамъ есть уголокъ чистоты.

Дуня привеля меня въ кухню, сорвала съ меня шляпку, бросила объ полъ, строго крикнула:

- Сиди!

И быстро ушла въ мастерскую, къ козянну. Я сообразила, что она кочетъ взять отпускъ, чтобы немедленко отправиться со мною въ деревню и рашила дайствовать. Подияла съ полу эту несчастную павичкину шляпку и бросилась иль кухин на дворь. Выбъщала на улиду, крикнула извовчика, сунула ему рубль:

— Гони, что есть духу въ "Европейскую".

Извозчикъ върно не удивился, что ему такъ щедро заплатили разъ "барышия" изъ "Европейской".

Онъ домчалъ меня скоро, погони не было и я успокоилась, но швейцару наказала:

 Если будуть спращивать Вивникову, скажи, что такой ифть.

Швейцарь мив подмигнуль:

— Понимаю.

Я больше на ухицу ин ногой. Черезь недалю укдемъ въ Царицынъ и далу конецъ.

А съ Надей, подругой, я крвико поссорилась, — зачвиъ убъжала, когда сестра потинула меня за собой.

.

Наканува отъвада въ Царицынъ, посла репетицін, спускалась я, помню, внивъ по ластница къ себа въ комнату, безпечно напавая только-что разученную паслю.

Но вдругъ оборвался голосъ, я сама отъ неовиданности поскольвнулась, и чуть не покатилась со ступенекъ: въ дверякъ гостивицы стояла сестра Дунечка и молча смотръла на меня.

Бъжать было некуда. Растерянно я стала приглашать ее зайти.

 Я, въ этотъ, въ этотъ... Ополоумивла ты, жепутная — сказала Дуня дрожащимъ голосомъ. — Ты сама выйди, жатъ плачетъ, сейчасъ же иди сюда.

Видно было, что разговаривать съ ней невозможно. Казалось, она даже была готова меня побить.

Я вышая на удицу и увидала мать; она стояла сгорбившись, такая налкая. По исхудавшему лицу текли слевы. Плакала и Дуня.

Маночка, ну пойдемъ ко мяв. Я покажу тебъ
 гдв живу — просила и мать, но она не слушвая, упрекала:

 И въ кого ты уроднавсь? Родила тебя на свое великое горе. Глаза бъ мои не глядали въ какое масто пошла. И какъ тебя вемля носитъ.

Корила меня, а слевы анансь по морідинистому лицу.

- Пойдемъ, посмотри, мама, пойдемъ молнаа я.
 Мать жалобно посмотръла на сестру, та молчала.
 - Ну пойдемъ въдохнула мать. А ты Дунята? — Я не пойду...

Привела я мать въ комнату Адександры Владивіровны. Тамъ у образовъ горізла лампада. Бабушка въ бізломъ ченців сидізла въ креслів тико, играл съ внучкой. Мать втого никакъ не ждала. Она помолилась на образа, оглядізлась:

 О, да туть и старушка, Божій даръ, и замиадочка, вкать не совству Бога забыли.

Мать любовно посмотрела на меня.

Вошла Александра Владнийровна и совсемь мать мою покорила:

- Акулина Фроловия, ваша Дешка съ талантомъ. Мы ее вымуштруемъ и она будетъ хорошей артисткой.
- Да что съ ней подвласшь? Все равно убъжить. Вишь, какаи она нострогланая. Воть пойду съ батюшкой да съ наставницами посовътуюсь. Ужъ очень большой гръхъ быть ахтеркой, но видно съ Богомъ-то и неядъ можно жить. А ты, Дежка, что скажещь, можно тутъ жить и душу не загубить?

Я сказала, что пропу оставить меня адвеь, а сохранить себя можно всадв, это зависить оть самого человека. Такъ-то оно, такъ, только если-бъ отецъ твой былъ шивъ, онъ бы съ тебя кому спустиль за этакія выдумки.

Сидела мать у насъ долго и совсемь успоковлясь.

 Ну вотъ что Александра Владиміровна, бери ты ее, сказала она подъ конецъ — да бей ты ее если слушаться не будетъ. Вотъ передъ Богомъ, отдаю тебъ Дежку.

И ваплакала и благословила меня.

Слава Богу, что коть нашлась, а то ночи не спала,
 все думала и тебъ, непутевая ты моя Дежка.

Слава Богу — гора съ плечъ. Мать дозволила мив вхать въ Царидынъ и въ день отъвада она и Дунечка провожали меня на вокзалъ. Мать тамъ сказала, что совътовалась съ матушкой Милетиной, а та ей отвътила — всякому свое на роду написано. Мать меня помурила:

 Горевала больно матушка Милетина, что ты къ ней не вашла.

Я передала Милетинъ мой послушный поклонъ и прощальный привътъ.

Подадо тронулся во путь далекій, во новый путь, по святой чась со молитовкой", како Потапь Антонычь говариваль.

А въ Царицынъ я впервые увидъла нашу милую Александру Владиміровну на сценъ.

Я и не знала раньше, что она такъ задушевно и просто пъла народныя пъсни. Не мудрено, что публика ее встръчала любовно. Она и не знала съ какой жадностью, съ какимъ горячимъ восторгомъ, я слушала ся пъніе...

Бывало сидить моя мать за прядкой и постъ тихо, а у самой слевы. Пъла она для себя, уходила въ печаль пізсни, а и бывало, выбіту на полинку въ вешній дель, осмотрюсь кругомъ на Бовій миръ и нахамиеть здругь на душу пресвітлая радость в зальеть сердце счастьемь. И не анаець, откуда такое счастье ваялось, кого благодарить, какими словами — душа возликуєть и сама зальешься радостной пізсней. А слушають только цвітикитраны, світлый просторь, да птицы цвебечуть, точно на перегожии славя Того Дантеля Радостей, Кто маполниль всю вселенную такою красой...

Слушая Александру Владиміровну я думала, что хорощо радоваться и горевать съ пъсней наедияв, но еще лучше стоять воть такъ, передъ толпой, и разсказывать людямъ про горькую долю-долюшку горемычную, про то, какъ "гулюшка голубокъ, силы перья горкунокъ" подслушаль тоску дъвнчью, что отдають за постылаго. А то вавести людей во зеленый садъ, гдъ "поютъ-рыдають соловушки", а то позвать въ короводы, въ карагоды веселые. "Вотъ, если бы и могла стоять на мъстъ Александры Владиміровны". Я слушала ея пъсни, а сама горъла.

Съ благодарностью вспоминаю милую Александру Владиміровну. Правда, она меня не била, какъ ей наказывала мать, но держала меня въ желъзныхъ рукахъ. А когда я забольла волжекой лихорадкой, точно мать укаживала за мною. Вечеромъ всъ наши укодили, но Александра Владиміровна не разъ прибъгала посмотрътъ на меня, а если была ванята, кого-нибудь присылала. Тогда, чаще всего, приходила одна користка, Шура Крощка. Эта крошка была огромнаго роста и пудовъ воськи въсу, но на могучихъ плечахъ красовелась на ръдкость прелестная, веселия головка. Она была доброты необычайной: для всёкъ сестра милосердиая. Если надо повернуть больного, Крошка какъ ребенка брала его на свои могучія руки. Если у кого горе, къ кому пойти? Къ Крошкв. Кто слевы осущить? Крошка. У больныхъ по ночамъ подежурить? Крошка.

Откуда она ваялась въ кабакъ, Богъ ее знасть. Обыкновенно принято думать, что въ кафешантанъ много темной мераости, а добра и свъта ни капли нътъ,

Я не могу защищать увеселительных масть, тамъ много ала. Но должна сказать, что встрачала и тамъ совершение чистыкъ, дорошихъ дюдей, и пикакая грязь иль не касалась.

Бывали у насъ въ кору молодых двиушки, кончавшій институты. Одна такая двиушка, блідная красавица, когда приходила къ ней мать, благообравная в почтенная съ виду дама, просила, рыдая, матери къ ней не пускать. Казалась намъ странной ся рыдающая ненависть. Потомъ мы узнали, что эта благообразная родительница продала ся дванчью чистоту какому-то старику.

А солистка нашего кафешантаннаго хора была вдова, съ двумя двтъми. Она блестяще окончила Петербургскую консерваторію, а служила въ кабакв потому, что боялась большой сцены и не рвшалась пвть въ оперв. А двтей коринть надо. Воть и носила всюду за собой эта чудная мать преврительную кличку "кафешантанная пвичка". Сорокъ человъкъ было насъ и и не ощибусь, если скажу, что больше половины хора были честные труженики и скромные люди, а остальнымъ, правда, все было трынъ-трява. Но насъ, кафешантанныхъ, конечно, валили въ одву кучу.

Въ тямелыя времена нашего изгнанія рестораны и кафешантаны биткомъ набиты дамамя лучшего общества в теперь онъ сами анають, что все зависить отъ себя, быть дурной иди остаться хорошей. "Кабакъ" — что и говорать — скольекій путь, кругы повороты, крішко держись, а не то, смотри, — упадещь.

.

Я теперь вижу, что лукавая жизнь угораздная меня прыгать необычайно: нав деревии вы монастырь, изъ монастыря вы шантакъ. Но разв'я меня тянуло туда чувство дурное? Когда шая вы монастырь, желала правды чистой, но почуяла тамъ, что совершенной чистоты-правды н'ять. Душа взбунтовалась и кинулась прочь.

Балаганъ сверкнулъ внезапнымъ блескомъ и почуяла душа правду иную, высщую правду — красоту, пусть маленькую, неказистую, убогую, во для меня повую в невиданную.

Воть и шантань. Видьа я тамъ хорошее и дурное, бывало мутно и тямко душе, — окъ какъ, — но "прытать" то было некуда. Демка вёдь еле умела читать и писать, учиться не на что. А туть петь учили. И скажу еще, что простое наставление матери стало миз посохомъ, на который крепко я опиралась: "голосокъ" мий быль нужень, да и "главки" хотелось, чтобы тоже блестели...

Вспоминаю, какъ прівхаль въ Царицынь хоръ Сла-

Я тогда ходила, какъ потерянияя, завороженная, и слушая его, стала гордиться, что и и русская. А самъ Славинскій казался мив славнымъ богатыремъ изъ древникъ бывальщинъ, какія мив скавывали въ дітстві. Русская пісня — просторъ русскихъ небесъ, тоска етепей, удаль вітра. Русская пісня не зваетъ рабства. Заставьте русскую душу излагать свои чувства по четвертямъ, тогда удержу мітъ. И нітъ такого музыкавта, который могъ-бы записать музыку русской души; нотной бумаги, потныхъ знаковь не кватить. Несмітныя сокровища тамъ

таятся — только ключь виать, чтобы отворить сокровищницу. "Ключь отъ пъсия не делешенько зарыть, въ сердце русское пусть каждый постучить"...

Славянскій уфхаль, а нашть хорь пробыль въ Царицывъ

еще годъ.

Ивъ Царидына им потянулись въ Астрахань.

Въ самомъ концъ севона, когда мы собирались уже на виму въ Кіевъ, въ "Аркадію", у насъ случилось несчастье: милую Александру Владиміровну... украли, иу-да, просто украли. Только много повме выяснилось, что се украль богачъ персъ и увевъ на своей яктъ въ Баку. Левъ Борисовичъ Лишкинъ, горячо любившій мену, едва не кончилъ самоубійствонъ, да мы во время досмотрѣли. Объ Александръ Владиміровнъ не было ни слуху ин духу ш бевъ нее мы перебрались въ Кісвъ.

Новая дирекція сада "Аркадія", "ис останавливалсь ни передъ какими затратами", різшила устроить открытіє на широкую ногу и, что называется, съ помпой. Послі молебна, въ запово отремонтированномъ двухсвітномъ валів состоялся парадный обідь для артистовь и слумащихь. Господинъ директоръ "Аркадім", Васька Шкорупеловъ, бывшій оффиціанть, обратился къ лакеямъ съ такой блестящей річню:

 Смотрить мини, оквиціанты, шобъ мини було усе у порядкі, шобъ съ господами почище, съ посудою поянталагентіве...

Вев разентвлянсь, а Васька Шкорупеловъ и не заитьтиль, что перепуталь. Открыли садъ "съ помпой", но бевъ Липкиной. Въ кору чего-то не доставало.

Самъ Анпкинъ съ горя запиль и къ концу сезона нашъ коръ развалился.

Анлиниъ на производъ судьбы насъ не бросидъ п вседъ ученицъ изъ своей напедам устроидъ въ подъскую балетную труппу Штейна, которая тогда прівкала на гастроли въ "Шато-де-флеръ".

Мы радовались, это поступиля въ корошую труппу. Тамъ были танцовщицы и танцоры Варшавскаго правительственнаго театра: прима-балерина Завадская, уже пожилая, но танцовщица отличная; первыя танцовщицы: Згличинская, Токврска, и танцоры: Бохенкевичъ, Устинскій и Плевицкій. Балетмейстеромъ быль Ваньковскій. А балеть иногда ставиль Нижинскій.

Насъ ученицъ, по нашимъ балетнымъ вивніямъ, ставил въ последнія пары, "у воды". Но съ явми ванимались, а мы работали съ усердіемъ и черевъ годо я уже танцовала въ дивертиссементь "Оберекъ", "Матлотъ", "Соло", а немного поэме писала матери, что служу въ балеть, хотя была увърена, что мать не внасть, что за птица балегь. Я ей поясияла, что Дежка танцуетъ и дажо неудачно пытается стать на носки. Въ томъ же письмъ я просила мать дать мив благословеніе на бракъ съ солистомъ нашего балета Эдмундомъ Мячеславовичемъ Плевициимъ.

Благословеніе мать дала, и вскорв я была уже не Надя Винникова, а Надежда Плевициал.

Мы много работали и все шло корошо, но въ одну неудачную повадку по украинскинъ городамъ, нашъ директоръ Штейнъ прогорваъ и тайкомъ скрылся, не ваплативъ жалованъя. Въ трупиъ поднялся переполокъ, каждый старался куда-инбудь устроиться.

На наше счастье въ Кіевъ прівхада труппа Манкевича и мы съ мужемъ поступнан тудя. Въ то время у Манкевича служиль простакъ Миханлъ Проценко, ныив талантливый комикъ петербургской оперетты Миханлъ Ростовцевъ, в теноръ Василій Горевъ, томе талантливый опереточный простакъ. Моего мужа Маккевичъ принялъ на долиность балетиейстера.

ø.

Съ труппой Манкевича я впервые попала въ Санитъ-Петербургъ.

На Крестовскомъ острова быль тогда знаменитый вагородный ресторанъ. Зимой туда мчались ковровыя тройки, хохотали бубенцы, кутались въ заиндевалые соболя "гости дорогіе"...

Полонъ сверкающій заль. Цваты, отин брилліантовъ, сіяють глаза, мелькають дица коленыя, барскія.

Въ зимнемъ саду, подъ темными заврами, сидятъ новодеревенскія старухи - цыганки, ворко саёдя ва своими смуглыми внучками, какъ бы не улыбиулись лишній равокъ блестящему гусару или рослому кирасиру. У цыганъ строго: если какал сверкнетъ чернымъ глазомъ на барича, старая цыганка забевпоконтся, подвоветь:

-- Ты проси лучше барина, чтобы хоръ пълъ, а лясы точить нечего.

Хоровъ было много: пыганскій, русскій, венгерскій, малороссійскій, мтальянцы и мы лапотники Манкевича.

Въ правдники у насъ было время посъщать дневиме спектакли. Бывали и въ Маріннскомъ, въ балетъ, слушали и оперу, но чаще кодили въ оперу въ Народный домъ. Это намъ было доступно. Театръ быль монмъ отдыхомъ и моей школой...

Пять леть прослужили мы въ труппе Манкевича. Я уже тамъ премьерствовала. Манкевичь, самъ бывшій оперный певець, всегда настанваль, чтобы я пела только народныя песни. Давно уже меня приглашали въ Москву къ "Яру", но я все не котвая покидать труппу, съ ко-

Но посла долгить колебаній согласилась я, наконець, принять ангажементь въ Москву. Директоромь "Яра" быль тогда Судаковь. Чинный и строгій купець, онъ требоваль, чтобы артистив не выходили на сцену въ большомъ декольта: къ "Яру" московскіе купцы возять своихъ женъ и "Боже сохрани, чтобы какого неприличіл не было". Старый "Ярь" инфав свои обычан и нарушать ихъ никому не полагалось. При первой встрічть со мной Судаковъ раньше всего спросиль большое-ди у меня декольта. Я успокоила почтеннаго директора, что красивть его не виставлю. Первый мой дебють быль удачень. Не могу судить, заслужено или не заслужено, но успіжь быль.

Москвичи меня полюбили, а я полюбила москвичей.

А сама Москва - Бълокаменная, наша кайбосольная, румяная, ласковая боярыня, кого не ваворожить.

Кланиюсь тебъ земно, надалека, матушка наша. Улыбнись мив предней улыбкой и прости, что можеть мало тебя, родная, цънила.

.

Въ Моский усићать у меня быль большой и потому предложеній было много.

На виму я возобновила контракть из "Яру", а на осень, за большой гонорарь, подписала контракть на Нижегородскую ярмарку, къ Наумову. По программ'я я стояла последней и выступала въ половине перваго ночи.

Въ вилъ обычно шумъли. Но когда на занавъсъ выбрасивали аншлагъ съ мониъ имененъ, зало смолкало. И было странио миъ, когда и выходила на сцену: предо мной стояли столы, за которыми вокругь бутылокь твенились люди. Бутылокь множество и вышито въроятно не мало, в въ залъ такая страшная тишина.

Чего притикли? Вёдь только что предо мной талантливая артистка, красавица, пёля очень веселыя игривыя пёсни, и въ залё было шумно.

А я колу пъть совсъмъ невеселую пъсню. И они про то внають, и ждуть. У верхальныхъ стънъ, опустивъ салфетки, стоять, не шевелясь, лакен, а если ито шевельнется, всъ посмотрять, зашикають. Такое необычайное винианіе и не себъ приписывала, а русской пъснъ. Я только касалась такъ тихикъ струнъ, которыя у кашдаго человъка такъ свътло авучать, когда ихъ тромещь...

Поимо, какъ-то за первыкъ столовъ, у самой сцены, сидваъ старый купецъ, борода въ серебръ, а съ нимъ другой, помоложе. Когда я запъла "тихо тащится лошадка", старикъ смотрълъ-смотрълъ на меня в вдругъ, точно равсердясь, отвернулся. Молодой что-то ему зашенталъ, сконфувился.

Я подумала, что не правится старому купцу моя пъсня, омъ пришель сюда веселиться, а слишить печаль.

Но купедъ повернулъ снова къ сценъ лидо и я увидъла, какъ по шврокой бородъ, по серебру, текутъ обильныя слевы. Онъ за то равсердился, что не могъ удершаться, на людяхъ показалъ себя слабымъ.

Заканчивала я, помню еще, свой номерь "Ухарь-Купець". Посл'я словъ "а д'явичью сов'ясть виномъ залила", подъ бурный темпъ, мажнувъ рукой, уходила я за кулисы въ горестной плиск'я, и вдругъ слышу ниъ публики, среди рукоплесканій: —

[—] Народная печальница плисать не сибеть.

Видно, кто-то не ноняль моей пляски, а пляской то я и выражала русскую душу: воть плачеть-надрывается русскій, да вдругь какъ хватить кулакомъ, шапкой о вемь. да въ плясъ.

Ψ

Когда я пъла въ ресторанъ Наумова, въ нижегородскомъ оперномъ театръ гастролировалъ Собиновъ.

Разъ онъ пришель из Наумову уживать. Во время моего выхода, онъ, какъ видно, наблюдаль публику, а потомъ зашель по миз, повнакомился, и сказаль:

 Заставить смолкнуть такую вудиторію можеть только таланть. Вы таланть.

Всякій пойметь мое радостное волненіе, когда я услышала нав усть большого художника, которымъ гордилась Россія, такія лестимя для себя слова.

А Леонидъ Витальевичъ оказаль мив и еще большую честь: онь пригласиль меня пать въ своемъ концерть, который устранавль съ благотворительной цалью въ оперномъ театръ.

Распроцаванием со мной, Собиновъ ушелъ. Онъ и не эналъ и врио тогда, что благодаря ему выросли у меня сильныя крылья.

На другой день мив доложили, что меня желаеть видвть Собиновъ. Я была чрезвычайно польщена. Помию, онъ принесъ мив букеть чайныхъ розъ и подтвердиль приглашеніе на завтрашній концерть.

Шутка-ли, пъть первый разъ въ большовъ театръ, да еще съ Собиновынъ?

Я глубоко волновалась, надёла лучкій тувлеть, какой у меня только быль, и съ трепетомъ вокила въ театръ.

Въ концертв участвовали Собиновъ, Фигиеръ, Рецъ Фигиеръ, еще оперные пъвцы, и я между ними — совериленное своенравіе и музыкальное безваконіе.

Занавісь взвился. Вышель Леонидь Витальевичь.

Разсказывать не приходится, какъ онь паль, и какъ дрожаль театръ отъ рукоплесканій. Посл'я него паль дуэть оперныхь павцовь, а за дуэтомъ вышла я.

Скачала я такъ трепетала, чуть не падала, по после первой песни горячія рукоплесканія сблизили меня съ публикой. Я совсемъ перестала волноваться и захотелось мив разсказать песню простую, печальную...

Мой огромный услава доставиль Собинову большое удовольствіе. Я видала, какъ онъ радостно потираль руки, а его глава сіяли.

На утро въ мъстной газеть быль отвывь о концерть. Обо мив тамъ было написано, что кафешантанная пвовица томе какъ-то попала средв артистовъ. Леонидъ Витальевичь вздиль въ редакцію, сказаль насколько непріятныхъ словъ писавшему, и даль понимаеть въ искусствів.

Я не была знакома съ Леонидомъ Витальевичемъ раньще и Нижий — мое первос съ иниъ знакомство.

Кто имветь удовольствіє знать лично Собинова, твиъ извістно сколько въ немъ благородной простоты большого артиста и хорошаго человіка.

Благодарна и ему и понынъ, что овъ поставиль меня рядомъ съ собою на почетные подмостки большого театра въ тысяча денятьсотъ денятомъ году. На 1909 годъ я покуда и кончу разскать, а въ дру гой кингъ "Мой Путь" котъла бы я разскавать и пути моемъ уже съ пъсней, о эногияъ встрачахъ, о многияъ людяхъ и о томъ какъ вернулась въ родное село уже не Дежия Вияникова, в Надежда Плевицкая.

ø

Воть думала, гадала-ли и, что надъ озеромъ, во Францін, въ Медонскомъ лісу, буду и вепоминать село Винниково и пісни подругь и тихое бормотаніе прилокъ въ винийе вечера.

Далеко меня занесла лукавая жизнъ,

А какъ оганнусь въ золотистый дынь лать прощедшиль, такъ и вижу себя скорой на ногу Дежкой въ увенькомъ затрапевномъ платьишкъ, что по румяной зоркъ гониется въ конопликъ за пострълятами-воробъвми.

Вижу, какъ носится Дежев-игрунья въ горяченъ волненіи карагодовъ, — отъ солица, отъ пляски, льютъ вишневый блескъ шелка полушалокъ, паневы да кички виштъ отненной пілной.

Внику, какъ плавно ступаетъ по монастырскому двору, что краснымъ кирпичемъ въ елочку вымощенъ, тоненькая, словно березка, тихая монастырка Надежда, и строгій плать до бровей...

Съ обрыва видна дальняя даль: синвоть ліса святорусскіе, дымъ деревень, пески, проселки-дороги, кліба. Воть облака-паруся освітило кроткинь румянцень, заря, моя ворюшка, кіжная, алая, світь тишайшій надь Русью.

Поднять-бы къ ней руки, запъть, позвить-бы даль-

И вдругь нопамаь гуль, бархатистый, дромацій, отдался въ ушахъ щекоткой и звономъ: Чудо-Колоколь къ ракней ударель. Аминь.

Медонъ, 10 іюля 1924 года.

Aseschi	Ренизова:									Cup						
Dhauga									•		•	4	b			5
Надожда Дёщин			_	_		# :		v		•	4					11

перечень портретовъ:

														Cip
H.	В. Плевиркая	4.	¥	ď		4	*		*					5
Aĸ	улина Фролов	HE. —	- 10		H.	₿.	HA	H (oje	di		+	*	32
H.	В. Плевициая	(P)	arbi	igh.	80)	(atair	onci	coll	C	E [v	4		56
H.	В. Плевицкая	FD:	бов	pent	CMD	Ch	рвф	aud			٠	4		88

Настинда при положения политопильно задачения "Патрополись" и Крата Лукана Какка писотования по худовасиминент, венарики А. Фрита по Берлиф Обления работи пудопинка И Зарбилано